

История
науки

Вера Талис

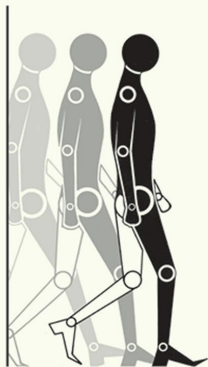
Доктор, который любил паровозики

Воспоминания о Николае
Александровиче Бернштейне

Новое
литературное
обозрение

9 785444 818565

Вера Талис
Доктор, который
любил паровозики.
Воспоминания о Николае
Александровиче Бернштейне
Серия «История науки»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68459491

Доктор, который любил паровозики. Воспоминания о Николае Александровиче Бернштейне: Новое литературное обозрение; Москва;

2022

ISBN 9785444820865

Аннотация

Николай Александрович Бернштейн (1896–1966) – создатель теории «построения движений» у человека, основоположник физиологии активности. У себя на родине в России он известен значительно меньше, чем за рубежом. Книга, составленная его научной «внучкой» Верой Талис, призвана исправить положение: в ней собраны воспоминания об этом крупнейшем ученом и необычном человеке – преданном науке мыслителе, полиглоте и меломане, отличавшемся добротой и в то же

время отстраненностью, погруженностью в собственный мир. О Бернштейне рассказывают родственники, ученики и коллеги, развивающие его идеи в современной науке. Те из них, кто лично был знаком с ученым, говорили: «Я видел гения». Книга содержит редкие исторические документы, избранные письма Николая Александровича и уникальные фотографии, предоставленные его близкими.

Содержание

От автора-составителя	5
Предисловие Дугласа Стюарта	10
Краткая биография Н. А. Бернштейна	14
Личный листок по учету кадров[18]	26
ЧАСТЬ I	29
Бернштейн Александр Сергеевич	29
Павлова Татьяна Ивановна	59
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Вера Талис

Доктор, который любил паровозики. Воспоминания о Николае Александровиче Бернштейне

*Посвящается папе, который поселил в моем
сердце любовь*

От автора-составителя

Когда в 2004 году вышла книга Иосифа Моисеевича Фейгенберга «Николай Бернштейн: от рефлекса к модели будущего» – первая биография Н. А. Бернштейна, долгое время остававшаяся единственной¹, – я узнала о ней случайно и купила один из 500 экземпляров тиража. Прошло 10 лет, и мне с трудом удалось найти эту книжку, чтобы подарить внучке Николая Александровича Бернштейна, Н. А. Ковалевой (Бернштейн). У нас мало кто прочел эту книгу, а во

¹ В 2018 г. в издательстве «Когито-Центр» вышла книга И. Е. Сироткиной «Мир как живое движение: Интеллектуальная биография Николая Бернштейна».

всем мире с 1996 года (100-летия со дня рождения Н. А. Бернштейна) ученые встречаются каждые два года на Бернштейновской конференции и даже присуждают Бернштейновскую премию наиболее достойному члену международного сообщества по двигателю контролю.

А тогда, прочитав биографию Николая Александровича, я поехала к дому в Большом Левшинском переулке, где он прожил всю свою жизнь². К моему удивлению, мемориальной доски на доме не было... Мне лично было за что благодарить Николая Александровича Бернштейна – полтора годами работы в американской лаборатории в 1999–2000 годах я была обязана и тому, что при поступлении меня представили как научную «внучку» Бернштейна (через моего руководителя Виктора Семеновича Гурфинкеля, аспиранта Николая Александровича). Я же начала собирать материалы о Николае Александровиче в 2009 году, случайно узнав о том, что его аспирантка, Даниэлла Ароновна Гинзбург, живет рядом со мной в Москве! Сейчас Даниэллы Ароновны, так же как родного племянника Н. А. Бернштейна – Александра Сергеевича Бернштейна, приемной дочери Н. А. Бернштейна – Татьяны Ивановны Павловой, а также Владимира Львовича Найдина, Бориса Израилевича Ходорова и многих из учеников Н. А. Бернштейна, у которых я успела взять интервью,

² Большой Левшинский переулок (с 1939 по 1994 г. – ул. Щукина), д. 10, кв. 4. Доходный дом (1901, архитектор Н. И. Якунин). В доме жил виолончелист А. А. Брандуков, с которым, судя по письмам 1929–1930 гг., семья Бернштейнов дружила.

нет в живых. Получается, что они доверили мне нечто прямо на пороге смерти. Многого из того, что они рассказали, не знают ни их дети, ни внуки, не говоря уже о коллегах и друзьях. Такое было время. А может, оно такое всегда: плохое хочется забыть, а о хорошем говорит облик человека в старости. Мне повезло – я увидела красивых и умных людей. Я не имею права цензурировать их слова, я могу проверять факты, давать биографические справки, сообщать найденную за это время дополнительную информацию. Старые люди говорят пунктиром. Имеющий уши да услышит, а нет, так и не надо. Ведь времени оставалось уже мало. Я спешила собрать портрет их учителя, собрать пазл из маленьких кусочков, истертых временем, но очень ярких. «Я видел гения», – повторяют они один за другим.

В этой книге собраны воспоминания о физиологе Николае Александровиче Бернштейне, создателе теории координации движений у человека и животных. Книга состоит из четырех разделов. Первый, вводный, раздел, кроме настоящего предисловия, включает предисловие Дугласа Стюарта, почетного профессора физиологии Университета Аризоны. Здесь же помещена написанная мной краткая биография Н. А. Бернштейна, дополненная в конце выдержками из личного листка по учету кадров, заполненного Николаем Александровичем в 1949 году и дополненного им же в 1952 году (хранится в архиве Академии медицинских наук в Москве). Во второй раздел вошли интервью с членами семьи Берн-

штейна, в третий – с его учениками, в четвертый – с учеными, которые сами не были учениками Бернштейна, но связаны с развитием его идей в современной науке. Помимо краткой биографической справки о каждом интервьюированном, я коротко написала о впечатлении, которое произвел на меня человек, попытавшись тем самым компенсировать отсутствие его фотографии, и, если речь шла об ученом, добавила список его основных трудов. В приложении в сокращенном виде приводятся письма, выбранные из переписки Н. А. Бернштейна с семьей за время его командировки в 1929 году в Европу. Заключают книгу список сокращений, глоссарий и составленный мной именной указатель. Фотографии, опубликованные в настоящем издании, автографы стихов и писем Н. А. Бернштейна, схемы квартиры предоставлены его родными и близкими, в первую очередь племянником, Александром Сергеевичем Бернштейном, общение с которым было для меня огромной радостью и дарило непосредственное ощущение дома Бернштейнов. Хочу выразить глубокую благодарность в первую очередь Марку Львовичу Латашу, который вдали от России так много сделал для продвижения наследия Бернштейна и заразил меня интересом к этому человеку; Иосифу Моисеевичу Фейгенбергу, который также, будучи вдалеке от Москвы и в преклонном возрасте, непосредственно и быстро реагировал на прогресс моей работы, связанной с памятью о Бернштейне; Ирине Евгеньевне Сироткиной, которая, благодаря своим многосторонним инте-

ресам, не только делилась огромными материалами, набранными ею за долгие годы работы с наследием Бернштейна, но и помогала находить соратников в этом деле во всем мире и, в частности, познакомила меня с Эберхардом Лоошем, работа с которым вылилась в совместную публикацию перевода книги Фейгенберга «Николай Бернштейн от рефлекса к модели будущего», ставшей первой биографией Бернштейна на английском языке. Благодарю моих друзей Анну Курт и Веру Ковалевич за помощь в расшифровке аудиоинтервью, Татьяну Стеженскую – за чтение ранней версии книги и ценные советы по ее улучшению, мою семью – мужа и детей – за терпение, особенно мою дочь Валентину, моего бесценного советчика и слушателя, архивы АМН, Института нейрохирургии им. Бурденко, ГЦОЛИФК и лично заместителя директора архива ГЦОЛИФК Елену Ивановну Сидорову – за постоянную помощь в работе над книгой, Алексея Кошелева за энтузиазм и советы по поводу первой версии книги, Анну Райскую и Ольгу Левину за редакторскую правку, Наталью Королеву, Жозе Прайя и всех участников проекта «Читаем Бернштейна вместе», сотрудников издательства НЛО – Константина Иванова и Сергея Елагина за огромную помощь и поддержку при подготовке книги для публикации.

В. Л. Талис, май 2022

Предисловие Дугласа Стюарта

Книга профессора Веры Талис «Доктор, который любил паровозики» — дань памяти великого российского ученого Николая Александровича Бернштейна (1896–1966). Бернштейн родился в российской академической семье, его отец и родные были выдающимися деятелями медицины и науки. Блестяще образованный математик, физик и биоинженер, Бернштейн благодаря собственным усилиям стал мультидисциплинарным нейробиологом в области физиологии движения. До 1960-х годов его выдающиеся научные достижения оставались малоизвестны на Западе, и по сей день имя Бернштейна больше знакомо ученым, занимающимся фундаментальными исследованиями в области нейронаук с уклоном в биоматематику или хотя бы интересующимся ею, чем тем, кто работает в клинической нейробиологии, хотя труды Бернштейна в этой области отличаются глубиной и находят практическое применение. Бернштейн внес неоценимый вклад в современное понимание роли распределенной и параллельной обработки информации и эволюционно обусловленного развития мозгом иерархического управления позой и движениями у различных видов животных.

Книга профессора Талис будет интересна как широкой публике, так и исследователям в области двигательной нейробиологии. Западные читатели, которым посчастливит-

ся ее прочитать, познакомятся с двенадцатью выдающимися российскими учениками Бернштейна, а также со многими фактами личной жизни ученого, ранее не освещавшимися его биографами. И, безусловно, «Доктора, который любил паровозики» необходимо прочесть всем специалистам в области двигательной нейрофизиологии. Отсутствие перевода на западные языки большей части работ Бернштейна, и в особенности его книги 1947 года «О построении движений», до сих пор остается серьезным пробелом в образовании западных ученых³. Книга Веры Талис позволит им составить собственное представление об оригинальности научного вклада Бернштейна и о его частной жизни.

Автор настоящего предисловия своим первым представлением о Бернштейне обязан Виктору Гурфинкелю, с которым познакомился в Мюнхене в 1971 году. Гурфинкель, в 22 года ставший фронтовым врачом, после Второй мировой войны был последним аспирантом Бернштейна. Удивительна и научная карьера Гурфинкеля: с 1948 до начала 1990-х годов он руководил в Москве собственной исследовательской мультидисциплинарной группой и вел широкие исследования в области нейрофизиологии движения. Впоследствии ему довелось работать в Орегонском университете здоровья и науки (Oregon Health & Sciences University) в

³ Книга переведена на английский язык М. Л. Латашом и опубликована с комментариями в 2021 году (Bernstein's construction of movements: the original text and commentaries edited by Mark L. Latash. New York: Routledge, 2021).

Портленде, и по сей день, в возрасте 97 лет, он публикует реферируемые статьи по вопросам регуляции позы и ходьбы. Со дня нашей первой встречи мы с Гурфинкелем, став близкими друзьями, неоднократно беседовали о Бернштейне, как и на многие другие темы. Последняя на сегодняшний день наша встреча состоялась в 2013 году на посвященной 90-летию Гурфинкеля конференции в Портленде. Во время обеда мы с нашим общим близким другом Жаном Массьоном говорили о великом учителе Гурфинкеля, и он рассказал нам, как личная непрактичность Бернштейна усугубляла его политическое положение; признаюсь, мне было лестно столь многое узнать о Бернштейне от самого Виктора Гурфинкеля.

Работа Бернштейна и его московской группы заложила основу лаборатории Гурфинкеля, а затем и многих лабораторий в Северной Америке и других западных странах. Среди них следует назвать междисциплинарную группу двигательного контроля в Массачусетском технологическом институте в Бостоне (MIT, Boston), Национальном институте здоровья в Бетесде (штат Мэриленд) (NIH in Bethesda, MD), Северо-Западном университете в Чикаго (штат Иллинойс) (Northwestern University, Chicago, IL), Университете Альберты в Эдмонтоне (Канада) (University of Alberta, Edmonton, Canada) и Университете Аризоны (University of Arizona), чья группа двигательного контроля, развившаяся под влиянием школы Бернштейна, широко сотрудничает с нейрофизи-

зиологами Неврологического института Барроу в Финиксе (Barrow Neurological Institute in Phoenix), Университета штата Аризона в Темпе (Arizona State University in Tempe) и Северного университета Аризоны во Флагстаффе (Northern Arizona University in Flagstaff). Теперь физиологи движений получили замечательную возможность ознакомиться с вкладом Веры Талис в бернштейновскую сагу.

*Дуглас Г. Стюарт, 2019 (1931–2019), PhD, DSc,
заслуженный профессор, член правления Университета
Аризоны*

Краткая биография Н. А. Бернштейна

Николай Александрович Бернштейн родился в Москве 5 октября 1896 года по новому стилю (17 октября по старому стилю). Он был старшим сыном Александра Николаевича Бернштейна, известного в Москве психиатра. Отец также был старшим сыном в семье врача, мецената, общественного деятеля Одессы Натана Осиповича Бернштейна. Младший брат отца – Сергей Натанович Бернштейн, ученик Гильберта, знаменитый российский и советский математик.

В 1914 году Николай Бернштейн окончил с серебряной медалью Медведниковскую гимназию⁴ в Москве, а в 1919 году – медицинский факультет 1-го Московского государственного университета, затем был мобилизован как врач в ряды Красной армии. После демобилизации в 1921 году Ни-

⁴ Медведниковская гимназия основана в Москве в 1901 г. купцом Иваном Логиновичем Медведниковым и его женой Александрой Ксенофоновной. Из книги И. М. Фейгенберга «Николай Бернштейн...»: «...Дети учились в... одной из лучших московских гимназий того времени, где был очень сильный состав преподавателей, включавший ряд доцентов Московского императорского университета. Были хорошо оборудованы физический и химический кабинеты, имелся хороший гимнастический зал. В коридорах висели репродукции картин крупных художников. Из этой гимназии вышел ряд ярких людей – актер Завадский, конструктор Яковлев и другие» (о Медведниковской гимназии см. также в программе «Путешествие по времени» В. Раевского.

колай Бернштейн начал «самостоятельную научную деятельность, работая по психиатрии и экспериментальной психологии в ряде московских институтов. В 1921 году прослушал ряд специальных курсов на математическом факультете 1-го МГУ»⁵. В 1922 году поступил на службу в Центральный институт труда (ЦИТ) под руководством Алексея Капитоновича Гастева. Используя и совершенствуя метод регистрации движений – циклограмметрию, «исследовал и описал биодинамику ударных движений слесаря (ЦИТ, 1922–1924), движений руки пианиста (Государственный институт музыкальных наук (ГИМН, 1926–1930), ходьбы (1928–1935), бега (1934–1940) и других двигательных процессов». Летом 1924 года в составе делегации ЦИТ Бернштейн представлял методику циклограмметрии на I Международном съезде по научной организации труда в Праге. В 1929 году в ходе трехмесячной командировки по Европе демонстрировал и обучал методу циклограмметрии во Франции и Германии. В 1926 году вышла первая книга Н. А. Бернштейна, «Общая биомеханика», посвященная памяти отца, скончавшегося весной 1922 года. Следом, в том же году, выходит популярная «Биомеханика для инструкторов», составленная из лекций, прочитанных Н. А. Бернштейном в июле – августе 1925 года на курсах по переподготовке инструкторов произ-

⁵ Цитаты в этой статье, если не указано особо, взяты из личного дела члена-корреспондента АМН СССР Н. А. Бернштейна (Архив АМН СССР. Ф. 9120. Оп. 8/3. Ед. хр. 19).

водственного обучения Москпрофобра. С 1927 по 1933 год работы Н. А. Бернштейна и его сотрудников (в том числе его постоянного помощника, жены младшего брата Сергея, Татьяны Сергеевны Поповой) широко публикуются на немецком языке в журнале *Arbeitsphysiologie*, издаваемом в Дортмунде профессором Э. Атцлером. С 1930-х годов исследования Бернштейна и «его учеников (Т. Поповой, О. Зальцгебер, П. Шпильберг, В. Фарфеля и др.) в основном сосредоточиваются на вопросах биодинамики локомоций – ходьбы, бега, прыжка с разбега и т. д. Исследованы ходьба нормальная, груженная, изменения ходьбы под влиянием утомления и в восстановительном периоде, возрастные изменения ее (развитие ходьбы ребенка, старческая ходьба), ходьба ампутированных на протезах, центрально-нервная патология ходьбы, бег выдающихся мастеров, развитие бега у детей, техника прыжка в длину с разбега и т. д., параллельно изучался ряд других вопросов биодинамики: фортепианные движения, статическая нагрузка мышц при удержании тяжестей, рационализация рабочего места и т. д. Проведено большое исследование... распределения масс и положений центров тяжести звеньев тела».

В 1927 году академик Алексей Алексеевич Ухтомский пишет, что «молодой русский ученый Н. А. Бернштейн дал блестящий пример того, как надо использовать метод Фишера⁶

⁶ Регистрация движений человека методом хронофотографии, разработанная В. Брауне и О. Фишером (*Braune W., Fischer O. Der Gang des Menschen. I. Teil –*

для полной механической оценки того или иного рабочего движения. Зарегистрировав траекторию молотка при ручной работе, Бернштейн вычислил векторы ускорения для различных точек траектории и для различных положений движущихся центров тяжести... Зная кинетическую энергию в разных участках траектории, можно отдать отчет о том, где будет наибольшая кинетическая энергия движения данной системы в направлении траектории. Очевидно – это будет наивыгоднейший момент для технического приложения данного рабочего движения. Не говоря о технической важности подобной обработки рабочих движений, она представляет вдохновляющий интерес с чисто научной точки зрения. Ни один прежний метод регистрации двигательных реакций организма не дает такой полноты и объективности, как метод циклограммографический. И ни один прежний метод изучения двигательных реакций не обладает такой наглядностью и точностью, как метод циклограмметрии. Нельзя сомневаться, что ему принадлежит громадная будущность»⁷. В 1933 году в статье, посвященной развитию советской физиологии за 15 лет, А. А. Ухтомский также высоко оценивает «превосходные по замыслу и выполнению работы проф. Н. А. Бернштейна» и говорит, что «...здесь будет новый переворот в естествознании, последствия которого переоценить

1895; II. Teil – 1899; III. Teil – 1900; IV. Teil – 1901; V. Teil – 1903; VI. Teil – 1904. Abhandlungen der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Mathematisch-physikalische Klasse).

⁷ Ухтомский А. А. Собр. соч. Л., 1952. Т. 3. С. 767.

мы пока не можем, подобно тому как современники Левенгука и Мальпиги не могли предвидеть, что принесет их потомкам микроскоп»⁸.

В 1929 году Бернштейн получает звание приват-доцента по кафедре гигиены труда 1-го Московского государственного университета, а в 1935 году ВИЭМ⁹ присуждает ему звание профессора и ученую степень доктора медицинских наук (по совокупности работ). В 1935 году выходит книга «Исследования по биодинамике локомоций», в 1940 году – «Исследования по биодинамике ходьбы, бега, прыжка».

В связи с началом войны Николай Александрович с семьей – женой, Наталией Александровной Гурвич, 3-летним сыном Сашей и 11-летней дочерью жены от первого брака Татьяной – осенью 1941 года эвакуируется в г. Улан-Удэ Бурят-Монгольской АССР. В сентябре 1942 года семья переезжает в Ташкент к семье младшего брата Сергея, к тому времени профессора строительной механики. В Ташкенте Николай Александрович занимается реабилитацией раненых, а

⁸ Там же. Т. 5. С. 74, 75.

⁹ ВИЭМ – Всесоюзный институт экспериментальной медицины. Был организован в 1932 г. в Ленинграде по инициативе А. М. Горького, в 1934 г. вместе с другими институтами АН СССР переведен в Москву. Из книги Л. Разгона «Плен в своем отечестве» (М.: Книжный Сад, 1994): «...Для его (ВИЭМа. – В. Т.) размещения было задумано строительство целого больничного городка на Октябрьском Поле... Его создатели и руководители полагали, что им очень скоро удастся найти в человеческом организме „что-то такое“, на что можно воздействовать и таким образом быстро побороть болезни, и среди них самую вредную – старость».

также им «...за период эвакуации (1942–1943)... вычислены и подготовлены к печати „Пятизначные таблицы десятичных логарифмов“, получившие одобрение Московского математического общества»¹⁰. В 1943 году семья возвращается в Москву, где, с июля 1943 года, Н. А. Бернштейн становится профессором кафедры физиологии Государственного центрального ордена Ленина института физкультуры (ГЦОЛИФК), а с сентября 1943 – профессором Института психологии Академии педагогических наук. С июля 1944 года также начинает заведовать лабораторией физиологии движений Центрального научно-исследовательского института физкультуры (ЦНИИФК¹¹). С 1943 по 1947 год Николай Александрович состоит научным консультантом, а с февраля 1948 по март 1949 года заведует отделением физиологии и патофизиологии движений в Московском научно-исследовательском институте протезирования Министерства соци-

¹⁰ Таблицы пятизначных десятичных логарифмов чисел от 1 до 10 000 000 000 (1942). Пятизначные десятичные логарифмы нужны для вычислений при определении места судна в море по астрономическим данным. Известно, что в апреле 1942 г. коллектив математиков под руководством академика С. Н. Бернштейна, дяди Н. А. Бернштейна, разработал и вычислил таблицы для определения местонахождения судна по радиопеленгам. В 1943 г. были подготовлены штурманские таблицы, которые нашли широкое применение в боевых действиях дальней авиации.

¹¹ ЦНИИФК был создан в 1931 г. в системе Института физкультуры (тогда ГЦИФК), в 1933 г. преобразованный в самостоятельный Центральный научно-исследовательский институт физической культуры (ЦНИИФК). Многие преподаватели продолжали работать и в ЦНИИФК, и в ГЦОЛИФК (Государственный центральный ордена Ленина институт физической культуры).

ального обеспечения и читает курс психофизиологии движений на кафедре психологии МГУ.

Весной 1945 года ЦНИИФК и Институт неврологии выдвигают Николая Александровича кандидатом в члены-корреспонденты Академии медицинских наук СССР, куда его избирают в октябре 1946 года. Дирекция ЦНИИФК, представляя 5 мая 1945 года Бернштейна к званию члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР, пишет: «Профессор Н. А. Бернштейн по праву считается создателем нового, советского периода в истории учения о движениях человеческого тела. Ни по совершенству техники исследования, ни по точности анализа механической стороны движения, ни по глубине проникновения в его физиологическую сущность в мировой литературе не встречалось и не встречается работ, стоящих на уровне исследований профессора Н. А. Бернштейна». Экспериментальный материал, накопленный к этому времени Бернштейном, становится основой его представлений об иерархическом многоуровневом управлении движениями человека со стороны центральной нервной системы, которые он излагает в монографии «О построении движений», опубликованной в 1947 году, за которую в мае 1948 года ему присуждают Сталинскую премию второй степени по биологическим наукам¹².

¹² Институт протезирования выдвинул Н. А. Бернштейна на Сталинскую премию «за труды... по локомоции человеческого тела» и «конструктора В. Е. Кононова за изобретенный им активный протез руки» (Архив ЦНИПП).

Но премия не спасла ученого от травли. Еще 29 ноября 1947 года в докладе «профессора А. Г. Воробьева» на совещании научно-технического отдела Ленинградского научно-исследовательского института протезирования «Очерки по гомомеханике. 1. Одно замечание по работам проф. Н. А. Бернштейна» автор требует «ввести в науку термин „гомомеханика“», которым, по его мнению, следует назвать все, что делает Бернштейн, и критиковать его «с точки зрения общей механики». Затем следует собственно критика, обоснованная лишь дважды повторенной в скобках фразой: «...развивается теория, это доказывающая». Надо сказать, что критика в адрес Бернштейна звучала и задолго до этого: в предисловии к остающемуся актуальным по сей день «Практическому руководству по циклограмметрии», изданному в 1934 году под общей редакцией Николая Александровича, руководство института, выпустившего эту книгу, указывает, что нельзя сводить «все объяснение движений... к кинематической картине и... количественному анализу... динамических усилий». Характерно, что расправу с учителем чинят руками его учеников: «...Для приведенных здесь критических замечаний по поводу установок Н. А. Бернштейна нами использованы... критические выступления... участники настоящего пособия З. В. Могилянкой»... Итак, в развернувшейся в СССР в 1948 году «борьбе с космополитизмом» физкультура и спорт нашли цель в лице Н. А. Берн-

штейна. В архиве Д. Д. Донского¹³ хранится «Заключение по письму профессора Н. А. Бернштейна от 7 марта 1949 года на имя товарища И. В. Сталина», в котором рапортуется о редакционной статье в газете «Советский спорт» от марта 1949 года, озаглавленной «До конца разоблачить космополитов и их подголосков», причем нападки на работников в области физической культуры ведутся в связи «с одной антипартийной группой театральных критиков». В заключение даны итоги проведенных открытых партийных собраний, заседаний ученых советов Института физкультуры в Москве и Ленинграде, Института протезостроения¹⁴. Одобренная к печати книга «О ловкости и ее развитии» не издается. В августе 1950 года критика в адрес Бернштейна появляется на третьей странице газеты «Правда» в разделе «Критика и библиография» в статье «Против вульгаризации теории физического воспитания», подписанной П. Жуковым и А. Кожиним. В газете «Советский спорт» в сентябре 1950 года в статье «Где же учебники для физкультурных институтов и техникумов?» ругань в адрес теории Бернштейна возникает уже только в связи с критическим разбором учебника А. Д. Новикова «Физическое воспитание», как и в журнале «Тео-

¹³ Цитируемый выше доклад А. Г. Воробьева хранится в архиве Д. Д. Донского-младшего. Его архив в ЦНИИФК (Ф. 9. Оп. 1, всего 640 ед. хр.; документы, относящиеся к деятельности Н. А. Бернштейна: Ед. хр. 260–292).

¹⁴ Тезисы, подписанные «инженером А. М. Резниковым от 4 октября 1948 г. «Об основных ошибках, допущенных в работе профессора Бернштейна Н. А. „Исследования по биодинамике локомоций“» (ВИЭМ, 1935) (Там же).

рия и практика физической культуры» того же года.

Несмотря на продолжающиеся нападки на Бернштейна, в декабре 1950 года «решением Президиума академии медицинских наук постановлено развернуть при Институте нейрохирургии кабинет физиологии движений для восстановления экспериментальной работы» под его руководством. За полгода (с января по июнь 1951-го) Николай Александрович создает в Институте нейрохирургии кабинет физиологии движений, где уже с ноября с помощью хроноциклографической методики начинает исследования больных. В то же самое время, судя по письму, написанному Бернштейном в мае 1951 года Л. В. Чхаидзе¹⁵, все тот же «погромщик» Жуков¹⁶ на заседании в Институте нейрохирургии устраивает «дико погромное, в неприличной форме выступление, создавшее панику в местном штабе и впечатление у ошеломленного (очень тепло относящегося ко мне) коллектива, – что я погиб невосстановимо». В январе 1952 года Николая Александровича

¹⁵ Письма Николая Александровича Бернштейна к Левану Владимировичу Чхаидзе // Теория и практика физической культуры. 1991. № 3.

¹⁶ В предисловии к книге Н. А. Бернштейна «О ловкости и ее развитии», впервые опубликованной в 1991 г. издательством «Физкультура и спорт», В. М. Зациорский вспоминает: «...Когда вдруг выяснилось, что идейный вождь борцов с антипавловцами, космополитами, „вульгаризаторами теории физического воспитания“ и Н. А. Бернштейном (а заодно с А. Д. Новиковым, А. А. Тер-Ованесяном и др.), кандидат наук П. И. Жуков, не имеет высшего образования, его тихо перевели с заведования одной кафедрой (теории физического воспитания) на заведование другой (педагогике), дали возможность сдать экзамены за институт и получить диплом».

вича вместе с оборудованием переводят из Института нейрохирургии в Институт неврологии, где 19 марта 1953 года кабинет физиологии и патологии движений ликвидируют, а Бернштейна переводят на должность рядового сотрудника в лабораторию с тем же названием. 2 апреля 1955 года Николай Александрович Бернштейн, старший научный сотрудник Института неврологии АМН СССР, на основании собственного заявления уходит с работы в связи с переходом на инвалидность. Он зарабатывает переводами в реферативном журнале, где «за период с 1.IV.1955 по 1.IV.1959 выполнено... 725 рефератов... опубликованных в журнале „Биология“. С 1959 года (по 03.11.1964. – *В. Т.*) выполнено около 600 рефератов для журналов „Биология“ и „Математика“...»

Новая волна интереса к Николаю Александровичу Бернштейну возникает в связи с наступившей в СССР «оттепелью», а в российской науке – с интересом к новой науке кибернетике, исследующей принципы управления в технических и биологических системах: в 1957 году Бернштейн выступает на мехмате МГУ на семинаре Алексея Андреевича Ляпунова, а затем на Московском физиологическом семинаре, организованном в 1958 году Израилем Моисеевичем Гельфандом и Михаилом Львовичем Цетлиным. Поддерживая молодых, Николай Александрович пишет предисловия к книгам, привлекает их к написанию совместных статей для энциклопедии. В 1959 году при подготовке первых космонавтов к Николаю Александровичу обращаются с вопроса-

ми о возможности координированных движений человека в невесомости. Когда в декабре 1960 года в Москву приезжает «отец кибернетики» Норберт Винер, Николай Александрович переводит его лекции и дарит ему свою статью «Проблема взаимодействия координации и локализации» (1935), предвосхитившую идеи кибернетики.

16 января 1966 года Н. А. Бернштейн умирает в родном доме в Москве от болезни печени, успев опубликовать последнюю книгу «Очерки по физиологии движений» (М.: Медицина, 1966), но так и не увидев свою первую книгу на английском языке *The Coordination and Regulation of Movements* (Oxford: Pergamon Press, 1967)¹⁷.

¹⁷ Публикация этой книги осуществилась благодаря Рудольфу Дриллису (1893–1983), биомеханику латышского происхождения, который регулярно переписывался с Бернштейном с 1928 по 1964 г., а с 1951 г. работал в США. Рассказ об этом, как и часть переписки между издательством Pergamon Press, Н. А. Бернштейном и Р. Дриллисом, представлен Х. А. Янсонсом в статье «Бернштейн: микроскопия движения» в сб. «Биолокомоция: сто лет исследования с помощью движущихся картин» (Bernstein: the microscopy of movement // *Biocomotion: a century of research using moving pictures*. Roma: Promograph, 1992).

Личный листок по учету кадров¹⁸

Пункт 21. Выполняемая работа с начала трудовой деятельности, включая военную службу

- 1919-ХП –1921-III, военврач РККА, Казань, Свердловск.
- 1921-III –1922-VII, Психоневрологический институт, зав. лабораторией, Москва.
- 1921-III–1924-ХП, Медико-педологический институт, ассистент.
- 1922-VII–1923-I, Психиатрическая клиника 2 МГУ, ординатор.
- 1922-VIII–1925-I, Центральный институт труда, зав. лабораторией.
- 1925-I–1927-IV, Психологический институт, зав. лабораторией.
- 1926-IV–1940-I, Государственный институт музыкальных наук, зав. лабораторией.
- 1927-IV–1933-X, Государственный институт охраны труда, зав. лабораторией.
- 1932-IV–1940-I, Научно-исследовательское бюро протезирования, зав. лабораторией.
- 1933-X–1937-VII, Всесоюзный институт эксперимен-

¹⁸ От 15.06.1949, дополнено 30.01.1952.

тальной медицины, зав. лабораторией.

- 1936-IV–1941-VII, Центральный научно-исследовательский институт физкультуры, ЦНИИФК, зав. лабораторией, профессор кафедры психологии.

- 1941-IX–1942-VIII, Педагогический институт, Улан-Удэ, Бурят-Монгольская АССР, зав. кафедры биологии.

- 1942-IX–1943-I, Эвакогоспиталь, Ташкент, Уз. ССР, зав. отделением трудотерапии.

- 1942-IX–1943-VI, Экспериментальная санитарная станция, Ташкент, Уз. ССР, зав. лабораторией.

- 1943-VII–1946-VIII, ГЦОЛИФК, профессор кафедры физиологии.

- 1943-IX–1945, Институт психологии, научный сотрудник.

- 1943-X–1944-VI, Институт протезирования (далее Московский научно-исследовательский институт протезирования МСО – Министерства социального обеспечения), зав. лабораторией.

- 1943-IX–1947-VII, Всесоюзный институт экспериментальной медицины, зав. отделом.

- 1944-VII–1949-IV, Центральный научно-исследовательский институт физкультуры, ЦНИИФК, зав. лабораторией.

- 1946-I–1949-III, Московский научно-исследовательский институт протезирования МСО (консультант, зав. лабораторией физиологии и патологии движения с 1948-II).

- 1949-VI–1950-VI, Институт гигиены труда АМН, зав.

лабораторией.

- 1950-VI–1952-I, Институт нейрохирургии АМН, ст. научный сотрудник.
- 1952-I – Институт неврологии АМН, ст. научный сотрудник.

(С IV.1955 – на инвалидности II группы по собственному заявлению. – В. Т.)

Пункт 24. Знания иностранных языков и языков народностей СССР

Слабо – итальянский, латинский, польский.

Хорошо – французский, английский, немецкий.

Пункт 27. Военная служба

Общий стаж службы в Красной армии – 1½ года, последняя высшая должность – ст. врач полка.

Пункт 34. Какие награды и поощрения имеет после Октябрьской революции

- 1945 – медаль «За доблестный труд».
- 1947 – медаль «В память 800-летия Москвы».
- 1946 – значок «Отличнику физкультуры».
- 1948 – Сталинская премия II степени за научный труд.

ЧАСТЬ I
«ПАПА КОЛЯ, БОЛЬШОЙ
ЛЕВШИНСКИЙ»
Интервью с родственниками
Н. А. Бернштейна

Бернштейн Александр Сергеевич

(23.06.1932, Москва – 06.09.2014, Москва)

Племянник Николая Александровича Бернштейна, сын его брата и Татьяны Сергеевны Поповой (Бернштейн). С 1932 по 1994 год жил вместе с родителями в одной квартире с семьей Н. А. Бернштейна. После окончания Московского энергетического института работал в конструкторском бюро Московского электролампового завода. Автор книг «Термоэлектричество» (1957), «Как работает кинескоп» (1973), справочника «Осциллографические электронно-лучевые трубки» (1-е изд. – 1982; 2-е изд. – 1990). Известный коллекционер железнодорожных моделей, про-

фессиональный фотограф. Один из героев документального фильма А. Артемьева «Заводной механизм» (канал «Культура», 2000).

Список людей, знавших Николая Александровича Бернштейна, мне передал Иосиф Моисеевич Фейгенберг. Его возглавлял родной племянник Николая Александровича, сын его младшего брата Сергея. Мы долго не могли встретиться, но, когда встретились, стало понятно, что эта встреча заслуживала и более долгого ожидания. «Вам нужны фотографии Николая Александровича в молодости? Вот здесь хранятся негативы того периода». – «Да они же дореволюционные!» – «Конечно, и стеклянные...» «Хотите видеть, как выглядела квартира Бернштейнов в 1916 году? Помогите снять с полки фильмоскоп». – «Неужели цветные слайды?!» – «Конечно, и трехмерные». «Вас интересует наша одесская родня? На верхней полке лежит семейный альбом в бархате с золотом». Сокровища более чем трех поколений сливок русской интеллигенции хранились в этой пыльной квартире сталинского дома, построенного для работников ЗИЛа. Во дворе и на улице бродил «пролетариат» третьего поколения теперь уже сгинувшего ЗИЛа, и я, с опаской прижимая к себе ноутбук и сканер, перебежала от машины к подъезду – путь от метро «Автозаводская» был еще менее приятен. Александр Сергеевич встречал меня в футболке и тренировочных брюках. Иногда я приносила ему свои кулинарные изделия – уж очень хотелось «согреть» этого старо-

го человека, который так «вкусно» говорил о своем доме, своей выдающейся маме, Татьяне Сергеевне Поповой, – правой руке Николая Александровича, любящей жене его младшего брата Сергея, наследнице миллионеров суконщиков Поповых. Однажды Александр Сергеевич пригласил меня на презентацию книги об этих самых Поповых¹⁹. Я пришла позже и села в задних рядах зала Дома русского зарубежья им. А. Солженицына на Таганке. Весь вечер я безуспешно пыталась со спины узнать Александра Сергеевича – не получилось. Когда же я в конце стала обходить все ряды спереди, то нашла его – в первом ряду сидел пожилой джентльмен в элегантном светлом пиджаке. «Вот она, Белая гвардия, которая умирает, но не сдается», – подумала я.

Интервью 2011 года

Мой отец – второй из двух сыновей Александра Николаевича и Александры Карловны (Иогансон) Бернштейн. Бабушка была дочерью путевого обходчика в Тверской губернии. Был у них домик у железной дороги и стена леса за домиком, так что девочки, Александра Карловна и ее сестра [Иогансон Е. К.]²⁰, гуляли вдоль железной дороги и смот-

¹⁹ Суконщики Поповы: Записки о московской жизни и не только. М.: Русский Путь, 2010.

²⁰ Здесь и далее в квадратных скобках даны фамилия и инициалы упоминаемых людей.

рели на поезда, и эта привязанность сохранилась у нее на всю жизнь. Когда ее мальчики подросли и жили на даче в Останкине, они, по бабушкиной инициативе, ходили на линию смотреть на поезда. Я тоже с ней ходил смотреть на поезда. Отец мой был профессором строительной механики, специализировался по железнодорожным мостам, а когда их институт был преобразован в Военно-инженерную академию, он и там занимался строительной механикой. В 1938 или 1939 году он готовился к защите докторской диссертации, но, поняв, что Гитлер в любой момент может напасть на Советский Союз, решил перейти в Академию бронетанковых и механизированных войск и руководил там кафедрой сопротивления материалов. Проработал он там до своего выхода на пенсию, вскоре после которого скончался.

Он рано умер?

Да. Это случилось в 1958 году, то есть ему было пятьдесят шесть лет. Правда, его отец, мой дед [Бернштейн А. Н.], тоже умер в пятьдесят два года.

Что было причиной смерти вашего знаменитого деда-психиатра?

Сердце. Он был высокообразованным и высокоуважаемым человеком в Москве, предельно честно занимался своей деятельностью, и у него, кстати, никаких сомнений по поводу руководства страной не было.

Он был патриотом?

Да, но не квасным, а настоящим патриотом. Настолько,

что когда он умер, то на панихиде присутствовали нарком просвещения Луначарский и нарком здравоохранения Семашко.

Он умер внезапно?

Нет, ему становилось все хуже и хуже, и на пятом десятке жизни он уже был дряхлым стариком. А смерть была в конце концов по сердечной линии.

Когда он умер, то о нем писал Гиляровский [Гиляровский В. А.].

Да, он был его соавтором и работал с ним в нынешнем Институте Сербского.

А в чем была причина смерти вашего отца?

По-видимому, какие-то затяжные эффекты во внутренних органах, связанные с осложнением после испанки, перенесенной в 1919 году. У него бывали такие эффекты, как потеря речи, и это началось с того, как он отпуск потратил на написание докторской диссертации в конце 1938 года. Он получил звание профессора где-то в 1935 году. Но папа мне сказал как-то: «Меня называют очень талантливым ученым, но если меня сравнивать с Николаем, то он был гением».

Отец тяжело страдал в последние годы своей жизни?

Нет, не в последние годы... Он защитил докторскую диссертацию в 37 лет и по военному рангу был инженером-полковником до конца жизни. Уходя на пенсию, он получил официальную благодарность за подписью Жукова. Был известным человеком.

Расскажите о своей бабушке, Александре Карловне Бернштейн.

Опытная фельдшерница, персональная пенсионерка ввиду исключительных заслуг перед государством своего покойного мужа, профессора, врача-психиатра МГУ, Александра Николаевича Бернштейна. Родившись в семье обрусевшего немца, рядового путевого обходчика на линии Москва – Санкт-Петербург, эта девочка Саня (повзрослев – Александра) провела все свои детские годы рядом с железнодорожными путями и не только на всю жизнь горячо любила волшебное зрелище несущихся паровозов и составов, но и передала свою любовь обоим сыновьям, Николаю и Сергею.

Расскажите о вашей матери – Татьяне Сергеевне Поповой-Бернштейн. Когда она сменила фамилию?

По-моему, у нее паспорт уже был переделан на фамилию отца, а книжка кандидата наук была еще на Попову.

А когда она защитила диссертацию?

Тогда, до войны, кандидатская защита была необязательна, и получила она кандидатскую степень по трудам. Познакомились они с отцом в 1922 году на мехмате МГУ. По образованию она была математик (папа окончил Медведниковскую, а мама – Хвостовскую гимназию в Москве). Мама до замужества жила с семьей на Пречистенке, а после замужества они стали жить с семьей деда, потому что у деда была большая квартира, не своя, конечно, а съемная, в Боль-

шом Левшинском переулке. Когда дед умер, началось уплотнение, поскольку квартира была из восьми комнат²¹, одна из которых принадлежала прислуге. Но ужимать их начали потихоньку, поскольку отец уже был членом Дома ученых и хотя и начинающим, но известным ученым, а его брат, мой дядя Николай Александрович, был еще более известным человеком, и оба они имели высшее образование: им было предложено заняться «самоуплотнением». Они нашли себе соседа, психолога Рузера, чьим двоюродным братом, кстати, был товарищ Троцкий (тогда это еще никак не сказывалось ни на ком), Вера Инбер тоже приходилась ему родственницей – все были из Одессы. Жена Рузера по фамилии Гольдовская [Гольдовская Т. И.] была хорошо известным психиатром. Другим способом уплотниться было жениться и прописать к себе жену, так что папа с мамой поженились сразу после смерти деда – в середине 1922 года (по семейным воспоминаниям, дед умер в мае 1922 года, так как в это время повсюду цвела сирень). После замужества моя мама преподавала в Институте красной профессуры, вела там занятия с рабфаковцами по высшей математике. Но вскоре оказалось, что ее математическое образование может быть очень полезным для Николая Александровича, и он пригласил ее к себе работать. В 1921 году Николай Александрович был демобилизован из Красной армии, потом он работал с Гастевым. В последние предвоенные годы Николай Александрович работал

²¹ См. схему квартиры на вкладке.

в Институте физкультуры, а в начале 1930-х годов был организован ВИЭМ, и они после Гастева работали там. Так что мама продолжала работать с Николаем Александровичем, и, когда он перешел из Института охраны труда в ВИЭМ, она перешла вместе с ним. Я участвовал там в экспериментах. У Николая Александровича было много мест работы, а она в основном работала в Институте охраны здоровья детей и подростков (ОЗД и П).

Известны ее классические исследования по ходьбе детей. В книге «Исследования по биодинамике ходьбы, бега, прыжка» (1940) Татьяной Сергеевной написаны три главы: «Биодинамика детской самостоятельной ходьбы», «Зачатки двуногого поступательного перемещения до начала самостоятельной ходьбы» и «Развитие биодинамики бега у детей».

Когда я принимал участие в экспериментах, мне было четыре-пять лет. Я участвовал в циклосъемках, но помню это, конечно, очень плохо. Меня привозили они туда к себе, куда-то на Октябрьское Поле, пару раз я даже получал гонорар за съемку.

Гонорар?

Рубли, на которые мне можно было купить автомобильчик. По воспоминаниям взрослых, я могу сказать, что когда приехали куда-то, где были все хорошо знавшие маму сослуживцы, то они стали меня расспрашивать, не боялся ли я участвовать в опытах, и я ответил: «Я ненавижу дохлых мух

и презираю тараканов».

Почему?

Я запомнил, что мухи там спаривались как-то противно, сцеплялись и мне было очень неприятно. А когда посреди большой комнаты, где я играл на полу, из-под шкафа выскочил огромный таракан, я очень испугался.

Да, когда изучается, например, ходьба человека, нужна большая комната для трехмерной регистрации движений.

Когда началась война, то танковая академия, где работал мой отец, была эвакуирована вместе с семьями в Ташкент, и с нами туда уехала моя бабушка, Александра Карловна, папина и Николая Александровича мама. Там она и умерла от сердечной недостаточности где-то через три дня после приезда.

Бабушку вы помните?

Очень хорошо, потому что она со мной больше возилась, чем мама. В войну мама не работала. Уезжая в эвакуацию, она уволилась. Отец в Ташкенте вел большую работу по заданию ЦК Узбекистана. Одним из его узких занятий была разработка техники ледовых переправ. Строили ледяные переезды через замерзшие реки, и надо было рассчитать, как устраивать переправы.

Ваш отец занимался только теоретическими разработками в строительной механике или он и экспериментировал?

Когда строятся мосты или прокладываются фермы, нуж-

ны эксперименты. Я помню, например, что они изучали и контролировали фермы при строительстве Запорожстали, и экспериментов было много. Он был классическим ученым в области сопромата. Незадолго до того, как отец умер, мы познакомились с моей будущей женой. В это время у нее в техникуме были неприятности с сопроматом, и когда она приходила к нам, то отец ее натаскивал так, что она впоследствии всегда вспоминала, как же у него все получалось просто и понятно. Во время войны отец получил благодарность от ЦК Узбекистана, ездил из Ташкента во Фрунзе (ныне Бишкек), где находилась в эвакуации его Военно-инженерная академия. Когда бронетанковая академия должна была вернуться в Москву, то сначала было неясно, поедут ли все с семьями или нет. Отец обратился к руководству с просьбой устроить жену работать хотя бы на кафедру математики. Но начальник кафедры, вручив ему благодарности от Наркомата обороны и от ЦК Узбекистана, сказал, что жене можно никуда не устраиваться и вся семья может ехать в Москву. Мы вернулись в начале августа 1943 года. Было затемнение, не было даже радиоточек в квартире – все было отключено, но я спокойно заснул в своей постельке, а отец с матерью вдруг услышали стрельбу, от которой мы давно уже отвыкли. Они решили, что, что бы то ни было, мы никуда больше не поедem, а останемся здесь. Потом оказалось, что это была не стрельба, а первый салют в честь взятия Орла и Белгорода. Через несколько дней мы опять слышали стрельбу и, решив, что

это опять салют, вышли в наш переулочек. Там были трассирующие пули, это было очень красивое зрелище – опять такой же салют. Вскоре мама вернулась обратно в свой Институт ОЗДиП. Там ее радушно встретили, и она продолжила заниматься координацией движений у детей. Все наши комнаты во время войны не были тронуты, потому что находились под охраной спецчасти академии. Ничего не пострадало, и вообще все было цело.

Вы первыми приехали?

Нет, первым приехал дядя, Николай Александрович. После начала войны он с семьей самостийно уехал в Улан-Удэ, потому что к тому времени, в 1941 году, когда он стал списываться с учреждениями и искать работу в эвакуации, все уральские и среднесибирские города были уже заняты. Надо сказать, что каждое лето с тех пор, как я родился, мы жили на даче в Сходне. Туда же стал приезжать мой дед с маминой стороны, Попов, с женой и внуком от маминой сестры, который был меня старше на семь лет. А Николай Александрович в это время (где-то до 1935 года) разошелся со своей первой женой [Рудник А. И.] и женился во второй раз. Его вторая жена [Гурвич Н. А.] была лаборанткой у него в институте, по-моему, профессионального образования у нее не было. Была просто лаборантка.

Чуть ли не ваша мама принимала ее на работу?

Да, было дело. Она появилась в 1935–1936 году и была для меня тетя Наташа. Внешне она была совершенно некра-

сивая, но отчуждения у меня к ней не было, хотя она была, конечно, нелегким человеком. Николай Александрович продолжал быть со мной в контакте, а с папой они все время переписывались. В 1938 году у них родился сын [Бернштейн А. Н.]. Жили летом они тоже на Сходне, поблизости. Летом 1941 года они также собрались переезжать на дачу, но так и не собрались, хотя даже заплатили за сезон. Дождались того, что всех детей стали вывозить из Москвы. Дочь Наталии от первого брака [Павлова Т. И.], которой было уже 11, и брата двух-трех лет с матерью отправили от РОНО в какую-то деревушку в Рязанской области. Там они прожили какое-то время, не ахти как, а Николай Александрович переехал к нам на дачу, так как одному ему в квартире было тяжело и неудобно. Дача была большая, и вместе с моими родителями они вылезали по ночам, когда были сигналы воздушной тревоги, и гуляли. Мама вспоминала, что очень сильно пахло укропом, и это у нее потом ассоциировалось с бомбежками. Вскоре он стал заботиться об эвакуации, нашел место в Улан-Удэ, кажется в медицинском институте. И поскольку у него был вызов туда, то ему удалось выхлопотать, вывезти жену и детей из Рязанской области в Москву, и через несколько дней буквально они уехали. Я помню, как мы приехали с бабушкой попрощаться с ними с дачи, и дальше мы уехали обратно на дачу, а они уехали из Москвы. Ехать им было трудно, у мальчика было чуть ли не крупозное воспаление легких, но его выходили. Там они поселились кое-как, но жить было

можно. В эвакуации их семье было очень тяжело: Наталия Александровна плохо переносила тамошний климат, эти сибирские зимы, ей было очень плохо, на большинство членов семьи климат плохо действовал. И даже в распределитель за пайком Николай Александрович ходил сам, и за дровами, и колол их сам. С дочерью приемной ему тоже было непросто, это потом они уже общались и дружили. Судя по письмам из эвакуации, Николаю Александровичу было очень тяжело. И он стал умолять папу, чтобы тот ему помог перебраться в Ташкент со всей семьей. Это я помню, и переписка была все время. Они перебрались к нам в Ташкент где-то зимой 1943 года, а потом очень вскоре уехали в Москву, в середине июля где-то, то есть пробыли в Ташкенте недолго. Перебравшись в Ташкент, Николай Александрович устроился на работу, хотя были какие-то трудности и неприятности, но он в Ташкенте был хорошо известен как ученый, его с удовольствием приняли. В эвакуации в Улан-Удэ с ними была и мать Наталии Александровны – Софья Павловна [Гурвич С. П.]. А после возвращения в Москву младшая сестра Наталии Александровны, Ирина [Гурвич И. А.], и ее мать, Софья Павловна, стали жить с нами в квартире. Была коммунальная квартира, но Ирина поздно приходила с работы, а с бабушкой их мы общались... Надо сказать, что в 1943 году в конце лета мы узнали, что подмосковная дача, где мы всегда жили, цела и старики хозяева живы. Мы поехали их навестить на паровом поезде, которые тогда ходили. Сходня

почти не пострадала – снесли пару дач всего, и пешеходный мостик над путями снесло. До Сходни враг не дошел, но где-то в шести километрах от нее немцы были. У наших хозяев на даче останавливалась воинская часть, но это место не изменилось. Помню, с довоенных времен там остались все наши три семейных велосипеда. Мой велосипед успели перед войной купить по объявлению в «Вечерке»²², так как по-другому сделать этого было невозможно. Я в него страшно влюбился и, когда снова увидел, сказал, что мы должны сейчас же взять его в Москву. До Москвы-то мы его довели, но почему-то не пускали даже с маленькими велосипедами в метро. И пришлось нам ехать от вокзала на трамвае «Б» – «Букашке» – через все кольцо. Мне очень трудно было тащить большую алюминиевую кастрюлю с ручками, в которой были все части от велосипеда и которая резала пальцы. На даче мы с хозяевами договорились, что следующим летом мы будем у них снимать. Все шло на поправку. В 1944 году летом мы переехали на дачу в начале июня. Устроились так: по понедельникам мы с мамой приезжали в Москву днем, а вечером приезжал папа, и утром они шли на работу. Мама пошла снова работать в ОЗДиП, и оказалось почему-то, что пайки там были гораздо богаче и интереснее, чем в Военной академии. И так как ее продовольственные карточки были интереснее, чем папины, то получалось, что она должна больше работать. Хотя ей было очень неприятно, что отец

²² Газета «Вечерняя Москва».

остаётся неухоженным целыми днями. До конца 1947 года, когда отменили карточки, она работала, а после этого сразу уволилась, и вот тогда у нас наступила нормальная спокойная семейная жизнь. Мама работала в Спасоглинищевском переулке. Это зады Ильинских Ворот, от Ильинских Ворот к площади Ногина. На день она оставляла мне под подушкой кашу, затем я ехал на метро на Дзержинку (ныне Лубянка) к ней на работу. Мама рассказывала, что к ним в лабораторию обращались с вопросом, что означает записка «Мама здесь» на ее месте. Оттуда мы уезжали на дачу. В один из этих дней мы услышали, что открыли второй фронт во Франции. Потом устроились так, что мама ездила каждый день с дачи на работу и обратно, а один раз в неделю бабушка, мамина мать [Попова Л. Ф.], приезжала на дачу, кормила, гуляла со мной, а вечером мы ее провожали на поезд. Кстати, после войны мамин институт снимал дачу в Расторгуеве, и она просила меня фотографировать детишек, чтобы посмотреть, как они бегают. Ей было просто любопытно. Весной 1945-го отменили затемнение, такой праздник был для всех. Но на дачу мы больше не поехали, так как дочка хозяев родила двоих детей и там стало очень шумно. Летом 1945 года мы оттуда все вывезли и с 1945 по 1957 год просто ездили диким образом за город. А в 1957 году мы снова сняли дачу в Березках, это уже дальше по Октябрьской железной дороге. Переезжать было трудно. Я уже работал на заводе. Папа чувствовал себя неважно. Там, в полукилометре от дачи, над желез-

ной дорогой была опушечка, и отец, который с детства любил смотреть на поезда, вылезал туда с мамой со стульчиками. Они садились и смотрели на поезда. А весной следующего года он умер.

Николай Александрович следил за его здоровьем?

Конечно, он следил, и Гольдовская, жена Рузера, нашего соседа, следила. Она была крупным психиатром и неплохим терапевтом. Какой-то присмотр за ним был. А скончался он внезапно, упал и умер.

Вы помните Сталинскую премию Николая Александровича в 1948 году?

Да. Он тогда купил телевизор, первый маленький КВН, видно было неважно.

И программы были редкие.

Один канал был всего. Когда он купил телевизор, они позвали меня в кабинет Николая Александровича посмотреть фильм – телевизор КВН, ничего не видно, развертка 300 строк. Папа в то время завел киноустановку, и можно было брать напрокат фильм, а на этом телевизоре ничего не было видно. Про неприятности после 1948 года мы слышали краем уха. Помню вдруг стук в дверь кабинета, это Ирина, сестра жены, прибежала сказать, что Николаю Александровичу присвоили Сталинскую премию, мы даже перепугались. Вначале никто не приходил, а потом было много гостей. Вообще, папа и Николай Александрович жили в соседних комнатах, очень друг друга любили, и у них были хоро-

шие отношения, а вот жены не сошлись. И поэтому братья стали постепенно расходиться, хотя были очень дружны. Когда мой папа окончил мехмат, то понял, что для молодого мужика это не специальность. И он пошел в МИИТ на второй курс, предметы первого курса ему зачли, и потом там же он устроился в аспирантуру и с огромным удовольствием работал, были поездки по стране. А когда мама окончила гимназию и поступить можно было в институты разные, то почему-то женщин предпочитали брать на математику. Не в гуманитарные, а именно на математику. Раз в неделю родители мамы у нас ужинали. Бабушка, мамина мама, была домохозяйкой, а дедушка, Попов [Попов С. А.], имел юридическое образование. От деда мамы была фирма, которая занималась изготовлением сукон, и еще у них была гостиница «Лоскутная», напротив нынешней гостиницы «Москва».

Но ее уже нет.

Она опять уже есть. Представьте «Националь», дальше к Кремлю продолжалась Тверская, узкая улица Тверская до площади Революции, которая тогда называлась Воскресенской. Не доходя до площади Революции, в самом начале Тверской улицы была эта гостиница. Она входила в капитал фирмы, и дед занимался там еще и хозяйством, типа завхоза. Потом всех их вымели как буржуев и вселили в особняк, где тогда жила мать деда, то есть моя прабабушка. Там получилась хорошая «Воронья слободка» на Арбате, на задах Театра Вахтангова. Они жили в двух больших комнатах. В войну

дед умер, а до войны он работал научным сотрудником Театрального музея им. Бахрушина.

То есть после революции он сменил вид деятельности?

Да, он работал в разных местах – в «Петроодежде» и прочее, но выручало его то, что он напоминал чем-то Гиляровского, не психиатра, а автора «Москвы и москвичей». Ему вся Москва была знакома, в том числе Немирович-Данченко и Станиславский. Его знания Москвы театральной и Москвы как таковой очень ценили, последние годы он работал в Бахрушинском музее. К нам они приходили раз в неделю с бабушкой, бабушка готовила любимую дедом настойку на апельсиновых корочках. Папа им играл на рояле и пел неплохо романсы. Семья деда Попова была не столько религиозная, но твердых правил, и, кроме того, он очень не любил иудеев. Когда отец с мамой поженились, то дед поставил обязательным условием, чтобы было церковное венчание, иначе считал, что ему придется говорить своим приятелям, что его дочь – любовница Бернштейна. Такие у него были взгляды своеобразные.

Расскажите о семейных традициях ваших родителей. Как праздновались детские праздники, Новый год, дни рождения?

У семьи родителей Николая Александровича и моего отца было очень мало приятелей, буквально никого не могу вспомнить сейчас. Когда устраивали елку, то только для членов своей семьи. Дед, Александр Николаевич, был весьма

антирелигиозным с точки зрения иудаизма. Насколько я понимаю, когда он поехал из Одессы в Москву учиться в университет, то он, по рекомендации своего отца, познакомился с профессурой. Здесь он понял, что уровень медицины в Одессе сильно уступает уровню Москвы и что если у него и получится научная карьера, то только при поступлении в Московскую адъюнктуру в МГУ, а для этого необходимо креститься (эти документы целы). А младший брат Александра Николаевича, Сергей Натанович, оставался иудеем, как и их отец, Натан Осипович. Сергей Натанович уехал учиться в Сорбонну, так как для обучения там креститься было не обязательно. Окончив ее, он не получил возможности работать ни в Москве, ни в Петербурге и стал профессором в Харькове. В дальнейшем он получил почетное звание доктора от Сорбонны. А членом АН СССР он стал где-то в 1930 году, тогда они перебрались в Ленинград, получили квартиру. Из эвакуации они уже перебрались в Москву, в Ленинград он съездил где-то по окончании блокады, убедился, что все уцелело, но после этого они прожили около двух лет в номере гостиницы «Москва» и только потом поселились в квартире рядом с академией (там, где сейчас устроен пешеходный мостик через Москву-реку).

Вы поддерживали с ним отношения?

Да. У Сергея Натановича были жена и сын жены, так как родной сын умер во время войны от дизентерии. Они эвакуировались из Ленинграда в самом начале, и он сообщил па-

пе, когда они будут в Москве на запасных путях. Оказалось, что это был целый эшелон крупных научных сотрудников, они ехали в международном вагоне. Мы уже ехали в эвакуацию в теплушках. Эвакуировали их на курорт Боровое в Казахстане, и вернулись они за два месяца до нас, в июне.

Гонения на Николая Александровича как-нибудь отразились на ваших родителях?

Нет, они не сказались ни на отце, ни на матери. Хотя отец был военным и начальником кафедры. Мама уже не работала и была вне поля зрения органов.

Расскажите про музыку в вашей семье.

Мой отец и Николай Александрович учились у частных преподавателей музыки с успехом. Николай Александрович – с большим успехом. Он еще умудрился изучить технику игры и на гобое и на флейте, играл на рояле. Прекрасно играл такие сложные произведения, как этюды Скрябина. А папа играл на фортепьяно, мама моя – на скрипке. В дореволюционной квартире в Большом Левшинском переулке у них стояли два рояля рядом. Потом после революции один рояль продали, а вскоре продали и второй. Папа очень тосковал без рояля, и в году тридцать пятом – тридцать шестом привезли пианино. Помню, как я сидел в большой комнате сбоку, так как через эту комнату надо было втаскивать пианино, а вторая жена Николая Александровича, тетя Наташа, сидела со мной рядом для того, чтобы что-нибудь не случилось, и мы ждали, как будут протаскивать рояль.

Вы сами играли на пианино?

Перед войной нашли мне одну учительницу музыки неплохую – Марию Ивановну. У отца и Николая Александровича была другая «Мария Ивановна», частная преподавательница. Мама же училась в музыкальной школе у самих Гнесиных, так как у семьи Поповых были контакты с Гнесиными. Потом у нее был учителем профессор Прокофьев [Прокофьев Г. П.] (кстати, там было два брата Прокофьевых, один был путейцем, а другой – музыкантом). С ним и его учениками Николай Александрович занимался проблемами кинематики игры на фортепьяно. Меня тоже воткнули на фортепьяно, и, наверное, сделали это зря. С одной стороны – дань традиции, поколениями интеллигенция занималась игрой на музыкальных инструментах, но, с другой стороны, если у мамы был абсолютный слух, то у меня было абсолютное отсутствие слуха.

Это развивается.

Нет. К сожалению, бывают чисто медицинские проблемы. Это по-разному бывает. Например, папа мне показал как-то еще до войны, как надо рисовать поезда и улицы в законах перспективы. Я сразу это ухватил, и если даже папа, когда рисовал, был вынужден вначале рисовать прямые линии, сходящиеся в определенной точке, а потом по ним уже делать рисунок, то мне они были совершенно не нужны, они у меня получались сами собой. Один раз я стал рисовать еще в Ташкенте вид на гору воображаемую, и отец поразился, что

это я рисую по памяти. Но музыка мне не давала никаких удовольствий и эмоций. Если надо было играть упражнения, то я старался просто не играть их. Когда же наступал момент выхода к учительнице или профессору (сначала я приходил к учительнице домой, а потом она стала приходить к нам, так как не всегда топили у нее), то оказывалось, что я абсолютно не помню даже, какие нужно было делать упражнения.

А мама не стояла над вами с палкой?

Стояла, но тогда она еще работала. А потом, когда в 1944 году мы жили на даче, то даже нашли за два переулка от нашей дачи другую дачу с пианино, чтобы я мог заниматься.

Я считаю, что музыке надо учиться всем.

Если получается, то да.

Но вначале всегда неприятно.

Но представьте, я играю внимательно, вдруг пальцы ложатся не на ту клавишу, а из другой комнаты мама кричит – в правой руке у тебя ми-бимоль, а где он, что такое, почему, я сам не знаю.

Кошмар.

В войну мы еще увлеклись классической музыкой, потому что мама с папой очень любили музыку и тосковали из-за ее отсутствия. Но оказалось, что в местных магазинах был огромный выбор пластинок. Сначала взяли у соседей граммофон, чтобы попробовать, как его заводить, а когда понравилось, то поехали и купили себе граммофон. Набрали много пластинок, голосовых, арии из опер и оперы целиком, ес-

ли можно было, и романсы. Крутили по вечерам.

Каких композиторов любили ваши родители?

У них главным кумиром всегда был Чайковский. Неплохо знали Римского-Корсакова, было много нот, еще от деда осталось²³, тот тоже хорошо играл. Что касается меня, то когда я начал уже соображать, как играю и что в правой руке идет мелодия, а в левой – аккомпанемент, то вдруг заметил, что я что-то никакого звучания не слышу. Тогда еще странный случай произошел – купил папа из «Времен года» Чайковского «Тройку»²⁴. И я совершенно обалдел оттого, насколько эта музыка не похожа на то, что получалось у меня. Это отбило охоту к игре на фортепьяно намертво. Правда, некоторые вещи я все же очень любил, например часть из второго акта «Аиды», там, где идет знаменитый марш. Я сам его выучил для себя наизусть и с удовольствием играл.

Так вы окончили музыкальную школу?

Ничего я не оканчивал. Учительница довела меня до профессора, но я ничего не знал, мне было стыдно перед профессором. А когда уже настал десятый класс, то я понял, что все, теперь у меня экзамены и я это дело могу бросить. Потом в институте были знакомые ребята, игравшие без нот, наизусть. Я не мог понять, как это можно было запомнить, для меня было загадкой. Но вальс из «Фауста» я, например,

²³ Ноты из собрания семьи Бернштейнов содержат дарственную надпись А. Н. Бернштейну от издателя П. И. Юргенсона.

²⁴ «Ноябрь. На тройке». Из цикла «Времена года» П. И. Чайковского.

любил и все же всегда боялся – вот будет трудное место.

В жизни играли все-таки?

Несколько раз, когда собирались студенты. Мои друзья очень любили общаться с моим отцом. Студенты вообще всегда его очень любили. Когда собирались, то кто-нибудь мог предложить – давайте устроим вечер Бетховена. Ноты есть, пианино есть.

То, которое тогда втащили?

Нет, это уже в ЦУМе купили новое германское пианино, хорошее.

И привезли его туда же – на Большой Левшинский?

Да.

Почему вы не пошли в науку?

Мне трудно сейчас об этом рассуждать. У меня было отращение к наукам неточным, где были дразги, этого, как мне казалось, не было в инженерной деятельности. У меня был большой интерес к архитектуре, но ни о каком вузе по этому направлению я не мечтал. На последних курсах института у нас не было никаких разговоров о моей будущей работе, я оканчивал электровакуумный факультет. Переживали о первичном распределении.

Когда вы переехали с Большого Левшинского переулка, в то время улицы Щукина?

Когда нас оттуда выселили. А выселили потому, что тогда, в начале 90-х годов, была такая пора, что всех выселяли. В 1992 году умерла мама, она очень боялась, что нас высе-

лят. А буквально в 1993 году к нам стали приходиться и говорить – давайте ищите, или мы даем вам адреса – съезжайте. Какая-то частная фирма брала на себя все. В квартире на тот момент было шесть семей. Если в моем детстве нас окружали свои, буквально родные люди, то к тому времени в квартире жили совершенно чужие люди.

Настоящая коммунальная квартира. Когда вы жили с родителями, то занимали две комнаты в той квартире. А Николай Александрович с семьей жил в других двух комнатах и там принимал посетителей?

Встречать людей Николаю Александровичу было трудно, потому что комната неухоженная, приходилось договариваться с Таней, чтобы она уходила, и в ее комнате встречались, мальчик мешался. А наша семья вначале занимала две комнаты, но у меня была первая жена, которая затем осталась в одной комнате. Так что мы с мамой и моей второй женой впоследствии занимали одну комнату. Переезжали мы летом 1994 года.

Каковы ваши личные впечатления о Николае Александровиче?

У Николая Александровича была бородка с усами, и он был очень похож на Чехова с портрета Браза. Особенно если он надевал пенсне. В связи с Николаем Александровичем надо сказать, что когда мама меня рожала, то роды были не особо тяжелые, но что-то там запустили врачи, и у нее начались осложнения, которые тогда лечить почти не умели. Ко-

гда она еще находилась в роддоме (районный роддом на за-
дах МИДа), и молока у нее не было, и ребенок маленький, то
Николай Александрович сказал Сергею, своему брату и мо-
ему отцу: «Сергуша, справимся. Я ему буду вторым отцом, а
Нюта (тогдашняя жена Николая Александровича, Анна Иса-
аковна Рудник) будет второй мамой». И после этого я много
лет их звал «папа Коля и мама Нюта». У папы Коли всегда
было интересно. Начиная с двух – двух с половиной лет, ко-
гда папа приходил домой с работы, я кидался ему обычно на
шею, и после обеда отец говорил мне: «А теперь идем зани-
маться». У него в маленькой комнате мы садились на боль-
шой диван, и он вытаскивал то, что привез Николай Алек-
сандрович из своей последней заграничной командировки²⁵.
Это были каталоги автомобилей и маленьких моделей желез-
ных дорог. Сначала все было просто, я говорил: «Красные –
это мои». Потом стали разбираться более подробно. Нико-
лай Александрович мастерски работал с жестью, модели де-
лал, паял. Получалось у него очень хорошо. Надо сказать,
что у Зубовской площади, в конце одного из отрезков буль-
вара, которые тогда были на Садовом кольце, были киоски,
в которых продавались дешевые автомобильчики, и мне их,
конечно, покупали. У Николая Александровича имелся де-
ревянный ящик с маленькими баночками эмалевых красок.
Он эти автомобильчики раскрашивал красиво, потому что

²⁵ Вторая (и последняя) командировка Н. А. Бернштейна за границу (во Фран-
цию и Германию) с сентября 1929 по январь 1930 г.

исходно они были гнусного цвета, потом они сутки высыхали на закрытой полке, после чего я с ними мог играть. Они еще скверно были сделаны, и часто приходилось их подпавивать. По этому поводу я прибегал к нему в кабинет и говорил: «Папенька Коленька, чинить, паять, пссс». Потому что так шипел паяльник. Дело дошло до того, что когда моя тогдашняя знакомая девочка заболела, то я прибежал к нему и сказал: «Папенька Коленька, Леночка заболела, чинить, паять, пссс».

То есть он всегда воспринимался как близкий родственник.

Да, конечно, если что-то не знал папа, я ходил к нему, или наоборот.

Расскажите об Анне Исааковне Рудник, первой жене Николая Александровича.

Она работала с Николаем Александровичем и моей мамой. Не знаю, было ли у нее медицинское образование, но ее работа была с медицинским уклоном. Она много занималась детской психологией, мозговыми заболеваниями у детей. Когда они разошлись с Николаем Александровичем (не позже 1935 года), у них остались хорошие отношения, но больше всего она поддерживала связь с Александрой Карловной. Потом она еще дважды вышла замуж, бывала у нас очень часто. Детей у нее не было. Насколько я помню, фамилия ее последнего мужа была Яцунский, а второй ее муж, Соболевский, был из потомственных дворян.

Вы общались с детьми Николая Александровича?

В квартире к тому времени уже появились несколько детей. Были я, Ирочка – соседка, сын Николая Александровича, Саша, тоже названный в честь деда, и родился еще мальчик у соседей. Так что была уже детская компания, разновозрастная, но тем не менее. До войны мы играли вместе. Девочка выдумывала разные игры с домиком с куклами, одетыми в одежды. Надо сказать, что отец ее ушел на фронт и сразу же погиб в конце 1941 года. Когда мы уже уехали в эвакуацию, то бабушка с маминой стороны приходила навещать их и узнала об этом горе. Она написала нам в Ташкент, попросив, чтобы я разрешил с ними поделиться игрушками. Я тут же написал, чтобы отдали им всю эту мебель с куколками. После войны у сына Николая Александровича, Саши, оказалось какое-то психологическое расстройство. Не хочу об этом говорить. И дальше случилось так, что все то, что Николай Александрович страшно любил с детства, – все это погибло. То ли он раздавал уличным ребятам, то ли иначе. Потом воровство началось.

То есть не было ощущения преемственности.

Нет. Когда он был уже совсем взрослый, а он меня был моложе на шесть лет, то есть ему было 14, а мне 20, мы иногда с ним ездили кататься на велосипедах за город, на электричках. Так мы не дружили, но все же.

Была какая-то общая активность?

Да, а потом вдруг оказывалось, что он узнает от своей род-

ни какие-то отрицательные отзывы о моих родителях.

Трещина образовалась.

Да.

А потом он ведь уехал.

Не просто уехал, а отец заставил уехать. Подробностей я не знаю.

Что он окончил? Где учился?

Он не всю школу окончил, а только классов, наверное, семь.

Тогда была еще ступенчатая система.

Была какая-то скверная компания дворовая. Приучали к тому, другому, но к чему не смогли приучить, так это к пьянству, чисто физиологически это не прививалось. У меня тоже долго было полное отсутствие интереса к этому делу.

Не шло.

К пьянству эта уличная шпана не приучила его, а вот к воровству, вранью приучала.

Но после войны та еще была обстановочка. Безотцовщина и прочее.

Конечно. Тем более у нас двор с революции принадлежал районному водопроводному участку, и там семьи были соответствующие.

Каково было отношение к еврейскому вопросу в семье?

Как я уже говорил, мой дед Александр Николаевич (отец моего отца и Николая Александровича) мечтал попасть в адъюнктуру Корсакова, но оказалось, что в Московском уни-

верситете еврею на это рассчитывать нельзя. И тогда он решился, как, что, почему, не знаю, и решился ли он сам или его жена Александра Карловна помогала ему, скорее всего (она была очень мудрая женщина), и крестился. С другой стороны, я знаю, что у бабушки Карловны [Бернштейн А. К.] были к Коле вопросы, когда тот отправлялся в свою последнюю командировку во Францию и Германию в 1929 году (до этого была командировка в 1924-м). Из писем Николая Александровича следует, что он пробовал найти по берлинским адресным книгам двоюродных, троюродных своих братьев, но в 1929 году никого обнаружить не удалось. Фамилия такая есть, но имена не совпадают²⁶.

²⁶ Из письма Н. А. Бернштейна к матери (Берлин, 25.IX, 15:30): «Карлушенька... Бернштейнов в Берлине 250, Рихардов двое, но все неподходящие...» Рихард Бернштейн – двоюродный брат А. Н. Бернштейна.

Павлова Татьяна Ивановна

(31.03.1930, Москва – 07.12.2009, Москва)

Приемная дочь Н. А. Бернштейна, жила вместе с ним и своей матерью, Наталией Александровной Гурвич, в квартире в Большом Левшинском переулке. После окончания педагогического института работала преподавателем математики. Ее ученица, Ирина Владимировна Ермакова, вспоминает: «Татьяна Ивановна преподавала математику в нашем классе школы № 23 с углубленным изучением ряда предметов на английском языке в г. Москве. Она также в течение многих лет была классным руководителем нашего класса. Она была прекрасным преподавателем, очень внимательным и интересным собеседником. Объясняла сложные математические формулы простым языком, поражала своей эрудицией, знаниями, остроумными шутками. Будучи школьницей, я часто навещала Татьяну Ивановну дома. Они с мужем занимали две комнаты в коммунальной квартире в центре Москвы. Она говорила, что когда-то эта квартира полностью принадлежала ее семье. У нее была прекрасная библиотека, которую собирали еще ее дед и отец. Книги на дом она не давала, но можно было почитать у нее дома. Через много лет мы с ней встретились в новом районе г. Москвы,

куда она переехала с мужем после того, как их коммунальную квартиру расселили. Район и двухкомнатная квартира с большой лоджией им очень нравились. Она была на редкость образованным и начитанным человеком, никогда не говорила дурного о ком-либо, много рассказывала о своих бывших учениках, впоследствии часто вспоминала ушедшего из жизни мужа, очень тосковала по нему. Говорила она и о своей племяннице, которая жила в другой стране. Жалела, что редко видит ее. Обожала своего кота. Шутила, что иногда ей кажется, что душа мужа перешла в ее кота. Ради кота она готова была ехать на любое расстояние за кормом или мясом для него. Еще одна забавная деталь. В последние годы она любила смотреть сериалы. И когда мы договаривались о встрече, то сначала нужно было посмотреть телепрограмму, чтобы не попасть на сериал. Времени у меня было не очень много, и иногда ее это обижало. А вот сейчас я ее очень хорошо понимаю. В те годы в ее жизни были любимый кот, друзья, бывшие ученики, соседка, книги и... сериалы».

Телефон Татьяны Ивановны мне дал Иосиф Моисеевич Фейгенберг, который, издавая труды Николая Александровича, всюду указывал ее копирайт. Подписанные Татьяной Ивановной воспоминания открывали сборник конференции по биомеханике 1994 года в Нижнем Новгороде, посвященной памяти Н. А. Бернштейна. Я приехала к ней в огромный многоквартирный дом у метро «Ясенево». Было жарко, на кровати передо мной в одной ситцевой ночнушке сидела

очень полная, очень больная женщина, которая в разговоре называла Николая Александровича отцом, его отца, Александровича Николаевича Бернштейна, – дедушкой, а Александру Карловну Бернштейн – бабушкой...

Интервью 2009 года

Расскажите о себе.

Вообще у меня было много глупостей. В 15 лет я собралась замуж. Хорошо, что эти намерения остались намерениями. Я всегда очень хотела стать учительницей и поэтому поступила в педучилище, а после его окончания поступила на вечернее отделение Ленинского пединститута. Пошла на вечернее, потому что я получила работу в очень хорошей школе и уже вела детей с первого класса! Мне так эта работа нравилась, что я ни за что не хотела уходить и поступила на вечернее отделение физмата. Я учила своих детей и училась сама. Начальную школу мы окончили вместе – я окончила институт, а они перешли в пятый класс. Видела потом их обиженные глаза, когда после урока у них я проводила урок в соседнем классе. Они до сих пор со мной, хотя мне уже 79 лет. И звонят, и приходят, как родные дети. Все, до сих пор.

Вы математику у них вели?

В молодости, лет в восемнадцать, у меня была идея, что я вытянусь в рыбку, но докажу теорему Ферма. Хотя я не мо-

гу сказать, что математика мне легко давалась. Я была математиком в школе, как говорили, хорошим, я и сама это чувствовала, но мне кажется, насколько бы я больше принесла пользы, если бы была преподавателем литературы в старших классах! Они бы у меня не проходили литературу, а знали и любили ее, потому что я сама читала и любила. Но меня убедил директор педучилища, что с фамилией, доставшейся мне от моего родного отца, Гольденберг, мне не дадут преподавать русскую литературу русским детям. Никуда не спрячешься от такой фамилии! А когда мои первые ученики окончили школу и стали студентами кто вуза, кто училища, я еще 10 лет была у них «жилеткой». Прибегали ко мне и выплакивали свои проблемы, причем не только девочки, но и мальчики... Что еще сказать о себе – в детстве читала запоем. Меня, первоклассницу, силком выгоняли на улицу, чтобы я хоть полчаса подышала воздухом.

Какие качества Николай Александрович хотел в вас воспитать?

Во мне? Вы знаете, он, мне кажется, очень мало об этом думал. Он считал, что людей воспитывают не родители и вообще не люди, а обстановка, в которой они живут. Я жила в такой обстановке, что из меня вышел человек, наверное. А вот брат... Отец вообще услад его из Москвы. Когда его в армию должны были взять, то отец пошел к военкому, объяснил ситуацию, сказал, что надо его оторвать от компании, и попросил ему устроить досрочный призыв. Но не повезло.

В армии оказался врач, который когда-то у отца учился, и он спросил у брата, не родственник ли он Николая Александровича Бернштейна. Тот ответил, что родной сын, и тот, дурак, решил отцу сделать приятное, нашел какую-то бумажку, из которой следовало, что брат прохождению воинской службы не подлежит.

Это после школы было?

Да, и через несколько месяцев брат вернулся домой. Он окончил училище 1905 года²⁷, и его по распределению отправили из Москвы. Отец ему сказал: «Езжай, отработай три года, как полагается, а потом возвращайся».

Так он рисовал? Училище 1905 года – это же художественное училище в Москве.

Да. И когда он приехал в отпуск, то посмотрел-посмотрел на нашу жизнь и сказал: «Я не понимаю, как вы живете в этой скаженной Москве». Это он – коренной москвич! Присылал мне все статьи о нем, которые в газетах печатались²⁸. Он жил в болгарском поселке Междуреченск. Этот поселок образовался таким образом: в то время, когда у нас не хвата-

²⁷ В списке выпускников Московского государственного академического художественного училища памяти 1905 г. за 1955–1961 гг. фамилия Бернштейна найдена не была.

²⁸ Речь идет о дискуссиях в районной газете по поводу критических публикаций А. Н. Бернштейна, который, будучи депутатом совета района, писал о приватизации собственности в середине 1990-х гг. (в том числе по поводу предприятия «Мезеньлес» в статье «Все гораздо проще» (Вильтуйод. 15.08.1995) и по поводу жилищно-коммунального хозяйства в статье «Жуткая бедность Угорского МЖКХ» (Вильтуйод. 20.07.1995).

ло бумаги, Хрущев сдал землю болгарам в аренду на 25 лет. Когда 25 лет подходили к концу, болгары стали хлопотать, чтобы им продлили аренду. Были противники этого, которые считали, что такая аренда наносит урон экологии края, и выступали за то, чтобы аренду не продлевали. Брат был активным противником продления аренды, и в него даже два раза стреляли. Вряд ли хотели убить, скорее попугать. Но один раз убили его любимую собаку, овчарку.

Он там жил все время?

Он категорически отказался возвращаться в Москву.

Там у него семья была?

Жена [Бернштейн (Горпинич) В. Ф.] умерла раньше него от онкологического заболевания. Дочка Наташа [Ковалева (Бернштейн) Н. А.] замужем, у нее сын [Ковалев Н. И.]. Теперь они живут в Германии.

Расскажите о своей маме. Где они познакомились с Николаем Александровичем?

Моя мама Наталия Александровна Гурвич училась с моим родным отцом [Гольденберг И. З.] в одном классе.

В Москве?

Нет, в Ростове-на-Дону. Дедушку [Гурвич А. А.] туда направили вытягивать из прорыва какой-то оборонный завод. После окончания школы, а тогда была девятилетка, дедушка ее как «путную» отпустил в Москву. Маме всегда хотелось быть врачом. В Москве они с отцом в тот год оба поступили в университет, а я тогда была уже в пузе. А когда мне было

полтора года, мама, долго не думая (мама была очень решительная женщина), взяла меня под мышку и ушла от мужа к своим родителям.

Какой это был год?

Я родилась в 1930 году.

Да уж, годы были серьезные.

Более чем. Правда, у меня была няня совершенно необыкновенная. Ее деревня с поэтичным названием Хомутовка была где-то в Пензенской области. Она пришла из деревни, и ее наняли няней к новорожденной девочке. Этой девочкой была моя мама. Она вырастила маму, ее младшую сестру, которая родилась через шесть лет, она вырастила меня и почти успела вырастить моего брата. Так вот, няня сказала тогда моим родителям – если вы дите не крестите, я сидеть с ним не буду, и учитеесь как хотите. И что делать? Если узнают, что крестили ребенка, исключат из комсомола, из университета, отовсюду. У меня родители были атеисты, как все тогда, и им было глубоко наплевать, крещен их ребенок или нет. И через год, когда мне было год и три месяца, няня взяла меня с собой и окрестила в местной церкви (няня каждый год ездила в отпуск в свою деревню). Причем, чтобы окрестить меня Татьяной (я же в метрике уже была Татьяна), священнику дали взятку – двух кур. В те времена жизнь была очень голодная. А взятку пришлось дать, потому что крестили по святкам – чей день, того и имя. В тот день, когда меня крестили, были имена Леония, Секлития и т. д.

Так, ваша мама взяла вас под мышку и...

...решила, что должна работать, и поступила лаборанткой на Пироговку, где были мединституты. Там набирали девочек, а маме тогда было 20 лет или около того. Николай Александрович тогда был в командировке в Германии и Франции. (Кстати, у него за границей были две тетки, родные сестры его отца [Бернштейн Е. Н. и Аитова (Бернштейн) М. Н], и обе они до революции вышли замуж, одна в Германию (Дортмунд), а другая – в Париж.) Так мама поступила лаборанткой в лабораторию Бернштейна. Первая жена Николая Александровича, Анна Исааковна Рудник, была врачом, работала с ним, а после того как они расстались, поддерживала родственные отношения с бабушкой Александрой Карловной и семьей младшего брата. Мне она не понравилась, но я ее видела пожилой уже. Тетка же рассказывала, что с ней по улице пройти было нельзя. Она была необычайной красоты, мужчины на улице оборачивались и, раскрыв рот, застывали. Я отца спрашивала, так как он не раз говорил, что она была непроходимо глупа: «Как же ты на ней женился?» – а он отвечал: «Я был молод, глуп и прельстился красотой». В командировке за границей он купил 12 пар фильдеперсовых чулок: 6 пар ей, 6 пар жене брата²⁹. На все деньги, которые

²⁹ В предисловии к письмам Т. С. Попова так пишет на тему «чулок»: «Мечты „баб“, то есть Нюты и Татьяны, „о тряпках“ были категорически отвергнуты. Коля согласился только на одну их просьбу – прислать им по несколько пар фильдеперсовых чулок – в Москве с ними было очень плохо». В письмах тема «чулок» всплывает неизменно: «Потом пошли... выбирать чулки, которые сто-

оставались, он накопил, как мама говорила, «мужских игрушек». А «мужские игрушки» очень дорого стоили. Он привез огромную готовальню. Еще у нас были карандаши, желтые и синие, и на них – металлические наконечники. Если карандаш голубой, то и колпачок у него голубой, пластмассовый. Тогда в России такого видом не видывали, слыхом не слыхивали. Мне строго-настрого до них запрещено было дотрагиваться. А больше всего его жену, Анну Исааковну, возмутила машинка для точки карандашей. Она была размером с детскую швейную машинку: с одной стороны ты вставляешь карандаш, а с другой – крутишь ручку, и карандаш сам

ят 20–29 фр. пара. Выбрали в самом лучшем месте все, что сумели» (Париж, 04.10.1929). «Нюتونька, посланные мною тебе чулки вернулись сегодня обратно из-за неправильной упаковки. Я это предвидел, так как после их отправки мне все это объяснили. Завтра отошлю их в новой упаковке по всем правилам» (Париж, 15.10.1929). «Очень рад, что тебе наконец купили хорошие чулки и что они в самом деле хорошие. Если только и в этот раз так же заботливо сверяли их цвета с раскрашенной бумажкой, как я это делал, то, значит, совсем хорошо. Ты ведь знаешь, как я в свое время пыхтел над выбором. Ну, теперь только узнай и сообщи мне, когда тете Мушке послать тебе из Парижа чулки, которые она купила» (Дортмунд, 14.11.1929). «Нютушка, еще раз радуюсь, что тебя так порадовали чулки, которые я так старательно выбирал» (Дортмунд, 15.11.1929). «...Что ты делаешь, когда тебе грустно... Татьяну вытащишь чулки поглядеть...» (Дортмунд, 24.11.1929). «Приезд мой близится. ...у вас к этому времени все книжки будут уже читанные... чулки поштопанные, вкусности – слопанные, и вы скажете: „Что же ты, Доктор, ничего нам не привез?“» (Дортмунд, 09.12.1929). «...Худо то, что не можешь ни с кем посоветоваться, так, хоть для виду. Сказать: „Ну что ж, так сделаем?“ Нютушка думала бы во время этого вопроса о чулках, а Мерьга – о проспекте пароходства... – и каждый ответил бы мне, не слыша вопроса: „Да, да“. А мне и этого было бы достаточно...» (Берлин, 21.12.1929, 21:30, Нюте).

собой затачивается. С мамой моей Николай Александрович встретился, когда он уже развелся, и маме еще старшая лаборантка говорила: «Ой, Наташенька, не по себе вы гнете дерево!» А она ничего негнула. Он к ней проявлял много внимания. Она же старалась, чтобы никто не заметил, но такое ведь не скроешь. И когда он вернулся из командировки (в Москве его замещала женщина), он ее спросил: «Ты лаборантов набрала?» – «Набрала. Ты приглядишься, там одна девочка есть, Наташа ее зовут. Звездочка просто». Ну, он и пригляделся. И до того «пригляделся», что женился на ней. Мама брыкалась, не хотела, она считала, что они не пара. Так они и познакомились. Мамин отец поначалу был недоволен, говорил бабушке: «Чему тут радоваться, Наталия пошла любовницей к своему начальнику. Я этого не понимаю и не принимаю». Кстати, тогда ведь не надо было регистраций. Они зарегистрировались, только когда маму отказались прописать в нашей огромной профессорской квартире. Кто она? Чужая женщина. Тогда они сходили в загс. И с моим отцом она в загсе не была.

Да, и кольцо тогда не носили.

Да, но мама была из тех людей, про которых говорят: «Если утопленников ищут по течению, то этого надо искать против течения». Тогда мещанством считалось любое кольцо на пальце, про серьги даже не говори. Мама же всю жизнь носила серьги. Ей на день рождения, еще до революции, тетка Леля подарила жемчужные сережки. Золотые, и в каждой

сережке жемчужина. Так она всю жизнь их носила и плевала на тех, кто на нее пальцем показывал.

В каком году они зарегистрировались?

По-моему, в 1935 году. Мама училась заочно, а дома занималась делами отца. Она вообще всю себя вложила в служение ему. Но он того и стоил.

Вы упомянули семью брата Николая Александровича. Женой же брата была помощница отца.

Да, Татьяна Сергеевна Попова, я ее теткой называла. Вот она и набирала этих лаборанток.

С семьей брата были крепкие отношения?

Поначалу да. А потом вышло так: брат Николая Александровича окончил МГУ – физмат. А когда он окончил, выяснилось, что он может работать разве что в школе учителем, а этого ему совсем не хотелось. И надо было выбирать, учиться ли дальше. А Николай Александрович к тому времени уже был профессором и очень хорошо зарабатывал по тем временам. Он его спросил: «Где бы ты хотел учиться?» – «В Институте инженеров транспорта (они с детства оба увлекались паровозами). Но у меня сын, семья». Николай Александрович сказал ему: «Сережа, учись. Я буду содержать семью». С женой он к тому времени разошелся и всегда говорил, что он никогда не женится, с него хватит. И Татьяна Сергеевна, все-таки купеческая дочка, на это рассчитывала. Конечно, это были купцы, которые детям давали прекрасное образование, посылали сыновей учиться за границу. Татьяна Сергеевна с

детства знала три языка, играла на фортепьяно и на скрипке.

Она где училась?

Она окончила сначала знаменитую Хвостовскую гимназию, там начальница была Хвостова, и они с гордостью говорили: «Мы – хвостовки». После этого поступила на физмат. Работник она была прекрасный, но неприязнь к моей маме осталась – отняла кормушку... И, поскольку у Николая Александровича не было детей, тетка решила, что наследником единственным будет ее сын. А Николай Александрович взял и женился. Да еще взял женщину с ребенком. И она стала настраивать своего мужа и свекровь против моей мамы. Ну а когда мама стала женой Николая Александровича, у нее, по мнению родственников, было четыре серьезных недостатка: на 16 лет моложе отца (я не знаю, почему это недостаток, они прожили, как у Пушкина, – 30 лет и 3 года), с 12 лет – тяжелейшая форма бронхиальной астмы, маленькая дочка – я и не было высшего образования. Так что ее приняли вежливо, корректно, но очень недружелюбно. Но они вынуждены были ее принять, и, больше того, первые несколько месяцев они жили вместе, одной семьей. Сергей Александрович тоже был очень способный, языки знал, и литератор был отличный. Он даже дописал многие произведения – «Даму с собачкой», «Анну Каренину», «Три сестры». Но он всю жизнь был в тени старшего брата. И после смерти это перешло к сыну, так что для моего брата двоюродного как красная тряпка для быка, когда что-то хотят написать о его

дяде, ему кажется, что хотят унизить его отца. А тогда мама поняла, что, если она хочет сохранить Николая Александровича при себе, надо отделяться. Это было очень трудно, но они отделились. Бабушка Александра Карловна и жена брата терзали ее советами. Тетка моя, которая была намного старше матери, ее все время поучала. Очень корректно, вежливо. А мама отвечала так же вежливо и корректно: «Спасибо, я поступлю как найду нужным». Их это доводило до бешенства. Хотя со мной Татьяна Сергеевна в последние ее годы много общалась, мы подолгу говорили с ней о Бернштейнах, ей очень хотелось об этом говорить, а мне очень интересно было это слушать.

Какие у Николая Александровича были обязанности по дому?

Не припомню. Мы старались его ото всех обязанностей освободить. У него, правда, был роман с кошкой.

У вас была кошка?

Мама обожала собак, но мы жили в коммуналке...

Ну, не совсем в коммуналке. С семьей брата?

Не только. Это была восьмикомнатная квартира, кухня 20 метров, ванная – 16, туалеты в разных концах квартиры. Дом строился до революции с расчетом на людей, которые могут дорого платить за квартиру. А после революции началось так называемое «уплотнение». Правда, милостиво разрешали себе самим искать жильцов. У нас жила женщина, профессор-психиатр, жили еще две тетки, когда умерли, в

их комнаты вселили людей. Но и тут нам повезло – в одну комнату вселили хорошую семью, а в другую – «идеального алкоголика».

Тихого?

Он работал грузчиком в Новоарбатском гастрономе. Пил как лошадь. Уходил в восемь утра, возвращался в одиннадцать вечера на бровях и тихонько шел в свою комнату и запирался там на ключ. Когда же был трезвый, то чудо-человек.

Так что нельзя было иметь собак.

С кошками они мирились, но о собаках я и заикнуться не могла, хотя очень хотелось. Мне приятель подарил котенка от своей кошки, и мы с братом три дня прятали его в своей комнате. В конце концов мама на него наткнулась и начала кричать: «Уберите эту гадость!» Мы с братом заревели в два голоса, так что прибежал отец выяснять, в чем дело, и сказал: «Наташа, ну что ты, пусть она живет, а они ухаживают за ней». А кошка – она себе на уме. Она выбирает себе хозяина из членов семьи. И она себе выбрала отца.

И у них был роман.

Еще какой роман! Если б вы видели только! Отец был равнодушен к кошкам, а тут она его взяла, просто взяла за живое.

Загипнотизировала?

Она спала у него на плече, и он не мог пошевелиться, чтобы ее не разбудить. Когда он шел в туалет, она шла за ним

и сидела его там ждала. Вся квартира смеялась. Так как потолки были четырехметровые, то была специальная библиотечная лесенка (если тебе что-то надо на верхней полке, там есть площадка – можешь сесть и смотреть, что тебе надо). Если отец лез по этой лесенке, она лезла за ним, и он уверял, что на морде у нее было написано: «Кто тебя знает, уползешь еще куда-нибудь, лучше я вместе с тобой». Ходила за ним, как собачка. Ловила мышей и клала дохлую мышь прямо ему на письменный стол – на бювар. Никому не давала эту мышь убрать. Если руку к мыши протянешь, то рычала утробно, не тронь – мое. И только он, придя с работы, имел право мышь выбросить, но перед этим ее погладить, похвалить. Он ее обожал. Она могла отсыпаться на его кровати. Один раз я пришла из педучилища и вижу такую картину: отец сидит на полу и вокруг него разбросаны всякие инструменты, а мама стоит рядом с ним и капает ему сердечные капли. Дело в том, что кошка наша любила гулять по верхам и провалилась между шкафами. Отец спустил ей туда полотенце, думая, что она уцепится и вылезет, а получилось наоборот – она уцепилась и утянула полотенце. Тогда он взял инструмент, а он рукастый был, выпилил отверстие в шкафу, вынув книги, и она вылезла через это отверстие.

Да, действительно, жертва.

А он немолодой уже был, тяжело ему было. Кошка стоит рядом, морда у нее виноватая и хвост зубьями. Вот такой был роман! Когда он приходил с работы, Белка (ее так звали) к

нему кидалась, а он, не раздеваясь, садился в кресло, и она прыгала к нему на колени, вставала на задние лапки, передними обнимала его за шею и начинала лизать ухо, так что казалось, что она ему говорит что-то на ухо. Он, ей подыгрывая, спрашивал: «Что ты говоришь!.. Да не может быть!.. Неужели это правда!» В общем, это цирк был ежедневный. Если он возвращался позже обычного, то она ложилась в передней поперек дверей и ждала. Только он выходил из лифта, даже ключ не вставил еще, а она уже бежит к нему, уже чует. Хотя у нас там длинный коридор был. Когда она умерла от старости, у нас весь дом был в траур погружен³⁰.

Какие книги были любимыми у Николая Александровича?

Библиотеку начал собирать еще его дед. Они всей семьей хорошо знали языки. Отец, например, знал одиннадцать языков. Было полное собрание сочинений Дюма, дореволюционное издание, и тут же полное собрание Дюма на французском языке. Они предпочитали читать в оригинале. На письменном столе отца лежал однотомник, очень красивый, голубой с золотом – «Граф Монте-Кристо» на французском языке.

Его любимая книжка?

Не то чтобы любимая, но когда у него было плохо на душе, неприятности, то он ее читал, перечитывал, причем не

³⁰ Н. А. Ковалева (Бернштейн) также вспоминает со слов своего отца, что «Белка признавала только Николая Александровича, потому что, как говорил Николай Александрович, в Белке он видел личность, и Белка это ценила».

с начала, а выбирал любимые места, в общем, она его успокаивала. А вторая любимая книга – «Петр Первый» Алексея Николаевича Толстого. Вся семья любила эту книгу. Золя был на русском и на французском. Я всего уже не помню. Были такие редкие книги, как записки Екатерины Великой, изданные до революции, редчайшая книга, просто реликт, – записки генеральши Богданович. Это была знатная дама, приближенная ко двору, и ее дневники представляли огромную историческую ценность. Помню еще книгу «Саксонская королева Луиза»³¹ с очень интересными записками обо всей Европе. Она была урожденная принцесса Тосканская и состояла в родстве со всеми европейскими дворами. Потом был знаменитый писатель, о котором теперь уже мало кто помнит, Василевский Не-Буква, он был Не-Буква, потому что был еще Василевский Буква. Интереснейшие записки о доме Романовых! Еще я помню – «Вечный жид» Эжена Сю, у нас в переводе называли стыдливо – «Агасфер». Интереснейшая книга, я ее потом нигде не встречала. Еще был такой писатель в Серебряном веке – Юрий Слезкин, о нем тоже никто теперь не помнит, а он писал великолепные романы исторические. Арцыбашев. В общем, все, что интересного выходило, – выписывалось. Чехов, изданный чуть ли не на оберточной бумаге в 1922 году, когда другой бумаги в

³¹ Очевидно, «Принцесса Луиза Тосканская. История моей жизни» (М.: Товарищество И. Д. Сытин и К°, 1912) – мемуары дочери великого герцога Тосканского, ставшей женой саксонского короля.

России не было. Герцен. Салтыков-Щедрин, отличное издание. Куприн. Тургенев и Гоголь, дореволюционные издания. Драйзер, Проспер Мериме, Лесков, Золя, Мопассан, Джек Лондон.

Ну, это уже советское, ваше.

Шеллер-Михайлов, писатель, которого Николай Александрович очень любил.

Почему?

А потому, что там великолепное полотно, как он говорил, чиновничьей России. Фейхтвангер, Ибсена четырехтомник, А. Н. Толстой – множество синих книг, а наверху – Пушкин, издание Академии, Байрон, Лермонтов и Вересаев. Вересаева Николай Александрович очень любил. Отец еще очень любил Андерсена. Считается, что Андерсен писал сказки для детей. Ничего подобного, там очень грустные сказки для взрослых. Но для детей тоже есть. «Огниво», например.

А он какую сказку любил?

Он вообще все любил. Был очень хороший четырехтомник Андерсена, изданный до революции. Брат его продал, а я пошла в ближайший букинистический магазин на Арбате и вижу – под стеклом прямо он лежит, и я его выкупила. Этот четырехтомник единственный раз в России издавался. Переводчики там были брат и сестра – Анна и Петер Ганзен [Ганзен А. В. и ее муж Ганзен П. Г.]. Он рассыпался буквально по листочку, и отец его сам отнес в переплетную мастерскую. А когда вернулся – спросил: «Татьяна, как ты дума-

ешь, в переплетных мастерских бывают пожары?» Я говорю: «Не беспокойся, не бывают. Там охрана такая, что пожаров не бывает!» Хотя я этого не знала и не могла знать. Книги для меня – это все, и мне это передалось от отца. Это моя вся жизнь. А на этой полке у меня советские книги, добытые с таким трудом! Я заводила знакомство с девочками в книжном магазине, дарила им шоколадки. За макулатуру доставали книги. Мой муж ходил, занимал очередь, я приходила к открытию, и мы брали двойную дозу. Ужас, как будто мы жили в V веке и книгопечатание для нас недоступно.

Все было в дефиците.

Вы заметили, что у меня нет никаких картин, ничего, вот только фотографии кошек развешаны, а здесь на стене литография, на которой изображена Эйфелева башня. Это любовь Николая Александровича на всю жизнь. Он всю жизнь о ней собирал все материалы, которые мог найти, писал о ней в «Науке и жизни»³², привез эту литографию из Парижа. Рама из черного дерева, дороже всей картины.

Вы говорили о встрече Николая Александровича с Эшби в 1960-х годах.

Отец получил персональное приглашение на встречу с Россом Эшби. Я с ним ездила, поскольку у него с сердцем было неважно и мы старались одного его не отпускать. Я там стыда натерпелась – дочь Бернштейна и не знает английского. Это была просто встреча, где они общались друг с другом.

³² Бернштейн Н. А. Башня Эйфеля // Наука и жизнь. 1964. № 9. С. 33–39.

Эшби тоже был физиолог... Когда Николай Александрович печатал последнюю книгу в издательстве «Пергамон Пресс», его владелец, Роберт Максвелл, переписывался с ним и прислал фото своей семьи. Эта фотография очень интересная. Сидит Максвелл, импозантный, рядом с ним худенькая и очень просто одетая женщина – его жена, рядом с ними три девочки, одетые все одинаково, воздушные платьица, белые туфельки, белые банты в волосах, а позади родителей – три мальчика, погодки, видимо, и тоже одетые все одинаково – рубашка, галстук и жилетка вязаная. Я смотрела и думала: да, это люди не нашего полета, у них у всех такие лица, такая осанка, люди уверенные и в себе, и в завтрашнем дне, и вообще в жизни!

А дома Николай Александрович рассказывал о работе?

Очень редко. Маме он много рассказывал. Мне иногда удавалось подслушать. Он считал, что в учении Павлова есть очень спорные моменты (так это потом и оказалось). Но Павлов не желал дискуссии. Отец писал статьи на эту тему – Павлов делал вид, что не читал. Тогда он решил написать книгу в расчете на то, что на книгу Павлов не сможет не отозваться. Ее отказались печатать – как же, спорить с самим Павловым! Тогда он пошел на прием (тогда это было легко) к Хрущеву. А Хрущев был тогда секретарь горкома партии.

В каком это было году?

Году в тридцать пятом, наверное. И малограмотный Хрущев немедленно сообразил, в чем дело, и дал команду пе-

чатать. Книгу стали печатать, она почти уже вышла из печати. И вдруг неожиданно умирает Павлов. Ну как с мертвым спорить! Нельзя. И отец дал команду рассыпать набор³³. Почти пропала эта рукопись, этот набор, если бы как-то на старой еще квартире не был у меня Фейгенберг и не нашел эти пленки, где-то они лежали. Мне и в голову не приходило где.

Эту книжку удалось опубликовать в 2003 году...³⁴ Скажите, как во время травли Николай Александрович реагировал на предательство? Предательство учеников, тех, кто был рядом и потом отвернулся?

Его ученики в большинстве своем боялись с ним на улице поздороваться. Но были и такие, которые остались верными, как, например, профессор Чхаидзе. Он на всех собраниях отца превозносил, вставал на его защиту, ругал тех, кто на него кидался. Отца ведь отовсюду уволили в 1948 году. Причем в 1948 году, летом же, он получил Сталинскую премию. Я всегда удивлялась, почему его не арестовали? Но в 1948 году ему пришлось уйти со всех работ, и тут его выручило знание языков. Семья-то большая была, и всех надо бы-

³³ И. Е. Сироткина подвергает сомнению причины, побудившие Н. А. Бернштейна не публиковать книгу в связи со смертью И. П. Павлова, выдвигая предположение, что это решение было принято в связи с развернувшимися в 1937 г. репрессиями и невозможностью свободной научной дискуссии (Маргиналии: история книги Н. А. Бернштейна «Современные искания в физиологии нервного процесса» // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 1).

³⁴ Бернштейн Н. А. Современные искания в физиологии нервного процесса / Под ред. И. М. Фейгенберга, И. Е. Сироткиной. М.: Смысл, 2003.

ло кормить. Мама не работала. Да еще бабушка. Так у него друзья были хорошие – связали его с ВИНИТИ и стали ему присылать рефераты на всех языках.

Ну, это надо переводить день и ночь.

А он очень работоспособный был. Да еще Белка ему помогала. Как только он берется за машинку, открывает ее, она прыг к нему на колени. Он сидит, печатает, а она спит у него на коленях, мурлычет.

А кого из учеников вы могли бы вспомнить?

Лебединский, Коц, Игорь Губерман, который по образованию инженер путей сообщения, но они познакомились, когда он приехал у отца брать интервью, поскольку отец увлекался паровозами. Николай Александрович вообще увлекался железнодорожным транспортом, так что во время отпуска на даче сам сделал своими руками, включая все столярные, слесарные работы, пассажирский вагон, ну не отличишь от настоящего, только маленький, и даже в туалете матовое стеклышко!³⁵ Полная копия! И товарный вагон, но не совсем вагон, а тендер. И я, балда такая, подарила эти оба вагона двоюродному брату. Жалко очень. Я сейчас очень об этом жалею. Впрочем, я скоро уйду, а они у него останутся. Это тоже хорошо. А позже Губерман стал литератором. Стихи у него потрясающие тогда уже были, когда его еще никто не знал. В день смерти Сталина он написал двестише: «Вожди

³⁵ Один из вагонов, сделанных Н. А. Бернштейном, хранится в музее Института нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко.

дороже нам втройне, когда они уже в стене»³⁶. Кто бы узнал тогда об этом – его бы разорвали. Помню, какая была тогда обстановка. В автобусе едешь – все плачут. И мужчины, и женщины. Даже мама моя плакала. И многие люди считали, что Сталин ничего не знает о том, что творится. И после его смерти все думали, что же теперь с нами будет!

А отец не плакал?

Нет. Он вообще понимал многое, но молчал.

Война и эвакуация. Что вы помните об этом времени?

Я помню, что мы жили в Ташкенте полтора года.

Когда вы эвакуировались?

Когда немцы были уже в Химках. Это был 1941 год. Самое начало октября. Полтора года мы пробыли в Ташкенте. Потом, летом 1943 года, мы вернулись в Москву. Москва была полупустая, въезд только по пропускам. У меня о Ташкенте смутные воспоминания. Дикая жара. Больше всего я там страдала от отсутствия книг. В отцовском кабинете я чувствовала себя как в пещере «Сезам, отворись», столько там было книг. А для меня книги всю жизнь были самым главным на свете.

Саша, сын Николая Александровича и вашей мамы, был тогда маленький?

Да, когда мы в Ташкент уезжали, мне было 11 лет, а бра-

³⁶ Стихотворение «Вожди дороже нам вдвойне, когда они уже в стене», по устному свидетельству И. М. Губермана, было написано в 1960-х гг. и ходило в самиздате.

ту, соответственно, 3 года. Ну вот мы вернулись в Москву. Очень плохо было с продуктами в Москве в то время, но мне до этого не было дела, потому что я с утра до вечера читала в нашем доме в Большом Левшинском переулке.

А в эвакуации он работал в госпитале?

Да. Я только помню, что его заместителя по научной части, врача-узбека, звали Хазимурза Заурбекович. Это же надо придумать! И отец меня тренировал, чтобы я повторяла это, не забыла и, не дай бог, не перепутала. Между делом он там изучил узбекский язык. Говорил, что это его отдых, как он это называл: «От безделья рукоделье». Вот что я еще хорошо помню, так это его игру на рояле. Как он играл! Я потом очень много посещала концерты симфонической музыки. Тогда был знаменитый пианист – Лев Оборин. Он играл великолепно, но мне казалось, что отец играл лучше. В первом классе меня определили в музыкальную школу, потому что у меня обнаружили абсолютный слух. Но у меня не было чувства ритма, и я, разбирая пьески, семилетняя, играла, не учитывая ни акцентирования, ничего. Ну полное отсутствие чувства ритма. Так отец мне все это проигрывал, поучал. Моей кукле он сделал маленькую папку и в ней – листок с пятью линейками.

Так он с вами занимался?

Он со мной очень много занимался, но только до начала войны. Когда началась война, уже стало не до рояля, не до музыки. А когда вернулись из Ташкента, у меня самой уже

не было желания. Вообще надо сказать, что, когда я ходила в музыкальную школу у Кропоткинской, я терпеть не могла эти уроки! Я приходила из музыкальной школы и думала, как хорошо, можно два дня никуда не ходить. И все-таки я четыре года проучилась, уже могла играть с листа. Но больше всего я любила слушать музыку, которую слушал отец. У него была великолепная по тем временам радиола с сапфировой иглой и множество изумительных пластинок. Прежде всего, несколько опер – «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Тангейзер» целиком. Были и отдельные произведения. Например, такая опера была, «Рафаэль»³⁷

³⁷ Опера А. Аренского «Рафаэль», 1894.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.